

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2010 | октябрь
интеллектуальный
диалог

КРАСНОЯРСК: ПУЛЬС И МУЗЫКА ГОРОДА ДОМА, ДОРОГИ, ИДЕИ, ЛЮДИ ● стр. 2-16

КЛИМАТ И ТИП ЛИЧНОСТИ

Елена Федоренко: ● стр. 3
«Но вообще Сибирь издавна была местом, где скапливалось много пришлого населения. И это положительно сказывается на психологическом климате в целом».

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В ИДЕАЛЕ И В ЖИЗНИ

Вадим Пирогов: ● стр. 5
«Расположение Красноярска уникальное. Сопки, река, острова. Я несколько раз бывал в Средней Азии, там многие города расположены на абсолютно плоском рельефе. Однажды в Бишкеке чуть не заблудился – его военные основывали, чёткая разбивка на кварталы, лабиринты улиц, ориентироваться очень трудно. А у нас благодаря сопкам легко понять, где ты находишься, не заглядывая в карту».

У НАС МНОГО «САМОГО-САМОГО»

Пётр Пимашков: ● стр. 8-9
«У меня такое чувство, что за тысячи встреч с людьми я не только улицы — многих жителей уже в лицо знаю. Приезжаю, скажем, в Новосибирск на какой-нибудь форум, где множество людей, и вдруг смотрю – красноярец. Сразу узнаю наших».

РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТИ

Марина Терешкова: ● стр. 10
«Переписка занимает много времени, но и результат иногда совершенно фантастический. Например, с помощью сайта меня разыскали родственники последнего владельца нынешнего «Детского мира»...».

«У нас в городе продолжает существовать значительная доля «трудоёмного жилья». И через 20 лет, возможно, придётся перестраивать весь город или массово отсюда мигрировать. А монолитно-кирпичные дома, которые сейчас строятся, имеют «короткий срок жизни». То есть мы можем попасть в ситуацию жилищного коллапса.»

Жёсткие экспертные мнения о перспективах развития Красноярска

Город — самое великое творение человека (говорят одни). Или это всего лишь территориальная единица, призванная наиболее оптимально организовать население (для извлечения экономической прибыли)? А может, город всё-таки — живой организм: со своими жизненно важными артериями и строением черепа, со своей душой и интеллектуальным потенциалом... Сегодняшний выпуск о современном Красноярске

нам видится в логике этой метафоры. И речь идёт лишь о первом приближении к герою. Пожалуй, пока мы получили представление о внешнем облике (в котором опытный физиономист разглядит проблемы), о самых явных отличительных чертах, о семейных обстоятельствах. А вот чем он дышит, откуда берёт силы, где его средоточие, его сердце — об этом диалог только начат.

Уездный город К.

Современный Красноярск: его возможное развитие, риски, ресурсы

Приглашая экспертов на заседание экспертного клуба редакции, посвящённое развитию Красноярска, мы предполагали вначале дать небольшую справку о тенденциях развития современных российских городов в целом (проводились соответствующие исследования, и данные такие есть). Но красноярские проблемы оказались так близки присутствующим, что никакой «затравки» не понадобилось — о необходимых мерах по «обустройству» города каждый начинал говорить, едва переступив порог. В итоге мы получили материал, который чётко расчерчивает проблематику и ставит острые вопросы. Итак, эксперты. Валерий Иванович КРУШЛИНСКИЙ — профессор кафедры градостроительства СФУ, доктор архитектуры, долгое время возглавлявший Союз архитекторов города. Вячеслав Иванович ПОЛИЩУК — директор по развитию ОАО «Красноярская агломерация-2020». Наталья Вячеславовна ФИРЮЛИНА — депутат Красноярского городского Совета, советник президента СФУ. Валерий Сергеевич ЕФИМОВ — начальник отдела стратегического развития СФУ, председатель клуба.

Было и есть

Валерий Крушлинский: Нам нужен новый генплан города. Нынешний сделан по меркам советского времени, а сегодня экономические отношения стали другими. Второе: новый план нужно реализовывать, а сейчас я не вижу серьёзных намерений на реализацию. Вот, например, до перестройки вышло постановление по программе «Учитель». Уже на следующий день у нас в «Гражданпроекте» на столах были задания: сколько школ проектировать, сколько детских садов. Даже задание на научную программу по проектированию школ мы получили. Сейчас приняли программу — комфортное доступное жильё. Ни на следующий день, ни через год (на двух заседаниях академии обсуждали эту программу) — ни задания, ни ресурсов, ни проектов нет. Получается — демагогия.

Я могу привести цифры: в городе 3 млн кв. метров труппного жилья. Под этим понимаются не просто хрущёвки, а бараки. Жить в них нельзя: вот-вот стораются или обрушатся. Получается, около 300 тысяч населения, треть города, живёт в таких домах. На их замену в год выделяется 100 млн рублей, что хватит на строительство трёх подъездов 97-й, самой дешёвой серии. Так программа замены ветхого жилья мы затаеным лет на сто.

Хрущёвок у нас — 11 млн кв. метров. Половина из них свой срок отслужила официально, другая половина ещё лет десять может простоять. Почти полгорода живёт в таких домах.

А новые типовые дома? Считается, что это монолит-кирпич, но на самом деле делают наполовину из пенопласта, так что их нельзя назвать капитальными, через 20-30 лет они развалятся. К тому времени всё жильё будет труппным. И без серьёзной программы по градостроитель-

ству мы скоро будем иметь большие проблемы.

Ефимов: Мне этот тезис кажется очень важным: один из серьёзных рисков для Красноярска — через 20-30 лет получить разваливающуюся жилищную инфраструктуру.

Крушлинский: Это надо серьёзно обсуждать, проводить совещания. Раньше город ежегодно проводил конференции, где строители, проектировщики и власть приходили к общему пониманию задач. Сейчас на предложение провести конференцию после 20 лет российской смуты (градостроительной, социальной, экономической) — отвечают: зачем? Кодекс градостроительный принят, закон 94-й есть, по которому никакая архитектура в городе никогда не появится... Почему не появится? Потому что игра идёт на понижение цены. Вот и дети в школах травятся, когда выигрывает тот, кто привезёт продукты дешевле, а значит, менее качественные.

Нам нужен «Институт города», а мне говорят — у нас есть «Гражданпроект», что надо — спроектирует. При этом, если пройти по улицам, я найду работу для тысячи архитекторов.

Ефимов: Вы сказали, что новые технологии недолговечны. А какие могли бы быть приемы? Например, идея с окружающими город коттеджными посёлками — насколько реализуема?

Крушлинский: Коттеджи в два раза дороже, и по строительству, и по содержанию. Для кого их строить? У нас лишь 15% населения платёжеспособно, и они уже имеют коттеджи за городом. Занимаются бизнесом, в том числе строительным, покупают даже подъезды. Остальная часть — 85% — неплатёжеспособна. То есть никогда и ни при каких условиях и ипотеках ни одного квадратного метра жилья (который сегодня стоит три

зарплаты) — не сможет купить. На те деньги, что люди сегодня получают, и город содержать нельзя. Ведь город — это территория, покрытая деньгами. Если она не покрыта деньгами — она покрывается мусором, свалками, бурьяном.

На излёте правления П.С. Федирко (предперестроечные годы) мы ему докладывали, что в городе будет 2 млн жителей. А это значит — ещё десяток вузов, ещё десяток крупных современных предприятий. Ведь перед перестройкой количество и мощность промышленных предприятий увеличились в два-три раза, они полностью сменили технологию, город переживал бурный рост. Федирко памятник в городе надо поставить.

Ефимов: Можно сказать, что когда ушли заказы для военно-промышленного комплекса — город утратил перспективу. А что осталось? На чём город зарабатывает? На что живёт?

Крушлинский: На торговле, больше ни на чём. Беднота держится на пенсиях и минимальных зарплатах. Вообще, сибирские города — нечто парадоксальное. Я диссертацию написал о взаимодействии природных и градостроительных систем. Мы вынуждены строить дорогое долговечное жильё, покупать много одежды, обеспечивать энергозатратное отопление. При этом в советское время производительность труда здесь почему-то была выше на 39%, чем в европейской части страны. Видимо, за счёт ГУЛАГа, низких затрат, крупных предприятий... Ведь всегда выгоднее произвести миллион предметов, чем один.

Ефимов: Я читал американское исследование — «Сибирь — холодное проклятие России». Авторы показывают, что совокупные энергозатраты для сибирского города существенно выше, чем в Московской области. При этом Новосибирск является более «холодным городом», чем северный Норильск, потому что численность жителей почти в 6 раз больше.

Крушлинский: С точки зрения «простой экономики» в Сибири жить нельзя.

Ефимов: Поэтому у нас метро и не хотят строить...

Крушлинский: На вопрос, нужно ли метро в Красноярске, я всегда отвечал, что в Лондоне метро запустили в 1861 году. Вот и всё, на полтора века отстаём. Метро — это такая же необходимость в современном городе, как канализация, освещение. К этому этапу развития города мы подошли ещё в 1982 году. Главный фактор обоснования был — логистика и экология. Город разделён гигантской водой, от 3 до 6 км поймы, основные пе-

ремещения с правого на левый берег только через реку, и без метро просто не обойтись. А сейчас на месте, где должна быть центральная станция, организуют автостоянку. При таком отношении в Сибири никого не останется, надо китайский язык учить.

Наталья Фирюлина: Простите, что включаюсь с некоторым опозданием. Если говорить о генплане, то его, конечно, давно надо переделать, и плановая работа над генпланом застройки города идет. Пока администрация руководствуется нынешним, идя путём локальных приближений. Например, меняют правила застройки. У нас ведь очень красивый город, один острова чего стоят. В этом смысле нам повезло. Горы кругом.

Крушлинский: Да, а по горам — карьеры цементного завода. Которому горсовет ещё позволил вдвое увеличить производство. В советское время жителей уговаривали: едите кашу с цементом, но зато жильё бесплатное вам строим, такая легенда была. Сейчас цементный — частное предприятие, вот пусть и компенсирует цемент в каше.

Фирюлина: Последнее решение сессии городского совета как раз касалось модернизации цементного завода. Акционеры завода вкладывают в это 15 млрд рублей. Правда, при этом к заводу совершенно невозможно подъехать — ни одна дорога не отремонтирована, даже стыдно говорить о таких цифрах. За 15 млрд можно подумать о том, чтобы вообще вынести экологически грязное производство за черту города. Городской совет поддержал модернизацию только в том аспекте, что они строят серьёзную рекреационную зону. Будут действительно новые технологии, мокрая переработка цемента. Серьёзно понизятся выбросы.

Крушлинский: Но бараки, которые после войны там построили, так никто расселять и не собирается.

Фирюлина: Вопрос о капитальном ремонте и сносе ветхого жилья очень сложный. Реализация 185-го федерального закона, по которому город в докризисные времена получал ежегодно практически по 1 млрд рублей, решила проблему капремонтов и сноса аварийного жилья частично. Кризис вмешался в наши планы. Надо учесть, что большая часть бывшего муниципального фонда принадлежит гражданам. И сегодня жилищные управляющие компании должны активно решать этот вопрос.

Крушлинский: На днях видел по ТВ интервью с министром

Татарстана. Только в Казани за последние годы построили 5 млн кв. м жилья, во всём Татарстане — 11 млн м². Это в 10 раз больше, чем в нашем могучем и великом крае. А перед спартакиадой, которая у них проходила, там снесли 32 тысячи ветхих домов.

Фирюлина: Это национальная политика. А мы сюда, к сожалению, не попадаем.

Есть и будет

Ефимов: То, что мы услышали от профессионалов, позволяет нам сделать следующий вывод.

Первый тезис. У нас в городе продолжает существовать значительная доля труппного жилья (термин авторский оставляем). И через 20 лет, возможно, придётся перестраивать весь город или массово отсюда мигрировать. Монолитно-кирпичные дома, которые сейчас строятся, имеют «короткий срок жизни». То есть мы можем попасть в ситуацию жилищного коллапса.

Тезис второй: профессиональное сообщество и управленцы, которые работают над созданием «тела города», перестали встречаться в публичном формате. Нет переговорных площадок, где разные точки зрения могут быть высказаны и услышаны, отсутствует этот канал влияния гражданского общества.

Тезис третий: до перестройки крупные предприятия строили свои посёлки, инфраструктуру. Вообще, сибирские города и особенно Красноярск получили сильный импульс развития в послевоенные годы как «запасные индустриальные центры» на случай ядерной войны. Вопрос — какие финансовые потоки определяют существование Красноярска сейчас?

Гипотеза: крупный бизнес сильно «оптимизировал налоги и зарплаты» — сейчас КраЗ уже не главный налогоплательщик; город существует за счёт чиновников и бюджетников (учителя, врачи, милиционеры, работники культуры, пенсионеры и др.). Что-то добавляет торговля, промышленность, строительный бизнес.

Фирюлина: Да, источники существования города — налоги и федеральные средства. Наша задача создать условия для наращивания налоговой базы. У нас должна быть сильная промышленная составляющая плюс малый и средний бизнес. К сожалению, сегодня существующий бизнес в городе не инновационный, и большая его часть занимается только торговлей. Это важно, но к прорывным последствиям это не приведёт.

(Окончание на стр. 4)

В. Полищук

В. Ефимов

Н. Фирюлина

В. Крушлинский

Психология горожанина

Есть точка зрения, что в городах люди уже рождаются несчастными. Оторванные от природы пленники каменных джунглей и бетонных коробок обречены на стрессы, комплексы и нереализованные желания, и только возвращение к жизни на земле, к природе может спасти человека от саморазрушения. Как часто бывает, столь категоричное утверждение справедливо лишь отчасти. Об этом, а также о психологическом наследстве прошлого, сибирском характере, способах уйти от стресса и многом другом мы беседовали с Еленой Юрьевной ФЕДОРЕНКО, кандидатом психологических наук, заведующей кафедрой психического здоровья СФУ.

Испытание мегаполисом

— Елена Юрьевна, скажите: действительно ли в городе жить психологически сложнее, чем в деревне, или это стереотип? Насколько определяет общую психологическую ситуацию проживание людей в городах: необходимость ездить в общественном транспорте, пребывать в местах большого скопления себе подобных, долгие годы жить в тесных квартирах?

— Я бы не стала употреблять категории «сложнее» или «легче», так как они субъективны. Но если рассматривать окружающую среду как основной источник влияния, то в городской жизни действительно масса факторов, которые дестабилизируют психическое состояние человека и способствуют быстрой утомляемости. Это так называемые «шумы», часть которых вы назвали: скопления людей в одном месте, замкнутые пространства, сложные транспортные схемы, необходимость работать в помещениях и многое другое. Всё это вместе делает жителей городов более подверженными стрессам. Но вместе с тем влияние города нельзя считать сугубо отрицательным. Чем выше плотность населения, тем больше требований предъявляется к отдельному человеку и тем чаще он сталкивается с ситуациями, которые требуют мобилизации всех его внутренних ресурсов. Город — это среда, которая тренирует компетентности: чтобы выжить, горожанин должен быть конфликтно компетентным, эмоционально уравновешенным, интеллектуально выносливым и в целом обладать более высокой степенью чувствительности и в то же время устойчивости к внешним воздействиям.

К тому же, если человек родился в городе, он успевает приспособиться к вызовам городской жизни. Это как ребёнок, который привык засыпать при включённом телевизоре, делает это без труда. Получается, что городские жители более стрессоустойчивы, чем деревенские. В деревне, где число контактов с другими людьми меньше, часто нет необходимости проявлять гибкость, приспосабливаться к окружающим, и потому сельский житель более открыт, прост и бесхитроу. Но не расходуя энергии, не имея необходимости мобилизовывать ресурсы, нельзя и приобрести нового опыта. Закон природы прост: в человеке формируется только то, что востребовано.

Словом, нельзя сказать, что город — это плохо или хорошо. Городские условия усиливают все виды влияний, интенсифицируют нашу жизнь. И при этом позволяют актуализировать внутренние ресурсы, обрести уверенность, повысить свою самооценку. Город даёт больше возможностей.

— А если сравнивать столицу и провинцию? Можно ли говорить о каких-то особых качествах столичных жителей и провинциалов?

— Чем больше город, тем выше темп жизни, тем больше ресурсов требуется для выживания, а значит, человеку нужно обладать ещё большей гибкостью, умением быстро перестраиваться, приспосабливаться к столичной динамике.

Зато деревенская жизнь предоставляет больше возможностей для погружения в себя, самосозерцания. Многие творческие люди уезжают жить в деревню как раз для того, чтобы «вчувствоваться», достичь большего единения с природой.

Освобождение от суеты и уменьшение темпа жизни позволяет углубляться, философствовать, тоньше чувствовать.

— В этой связи, как вы считаете, для психического здоровья жизнь в городе имеет больше плюсов или минусов?

— Главная составляющая психического здоровья — это ответственность. Человек тогда психически здоров, когда он хорошо понимает и осмысливает свои внутренние ресурсы и ответственно к ним относится. Формула психического здоровья состоит в том, что человек стремится к чему-то, достигает поставленной цели, он мотивирован, живёт яркой жизнью, разделяет принятую обществом систему ценностей... И с этой точки зрения не имеет значения, где жить: в мегаполисе, городе или деревне.

Миллион возможностей

— От чего же тогда зависит психическое здоровье?

— От того, насколько уличности сформирована возможность быть самостоятельной. Процесс становления самостоятельности не прост. С одной стороны, он естественный и начинается с рождения ребёнка. С другой, — большую роль в развитии самостоятельности играет образование.

Задержавшись в каком-либо из периодов, человек впоследствии имеет психологические проблемы, демонстрируя признаки несамостоятельности, несвободы. Это может выразиться в том числе и в появлении разного рода видимых зависимостей: от алкоголя, табака, наркотиков и другого. Надо помнить, что у каждого человека есть миллион возможностей, но люди сами ограничивают себя, потому что не чувствуют уверенности в своих силах.

— В общем, «все мы родом из детства». А наследуются ли психологические проблемы в более глобальном смысле? Какие из них, например, достались нашему обществу от советского прошлого?

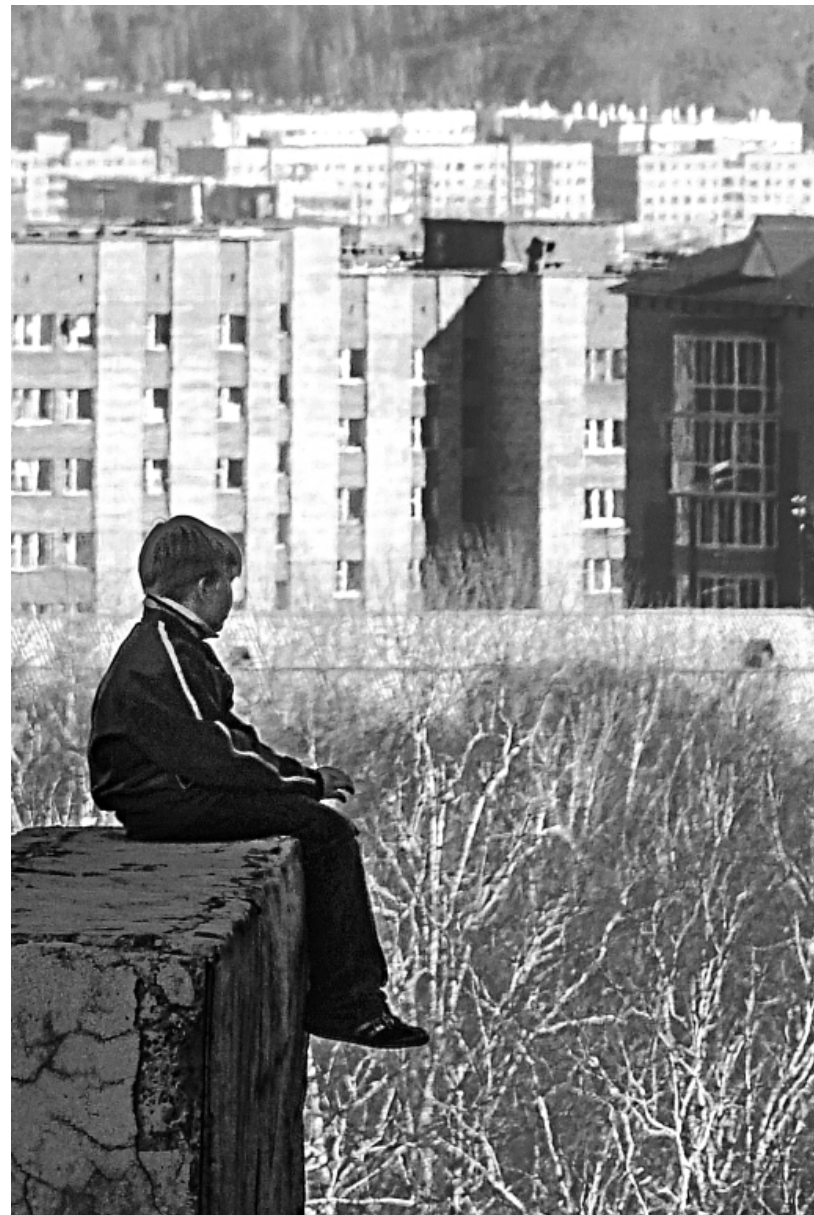
— Безусловно, наследуются. Мы с вами их носители. Простой пример: в нашей стране, в отличие от стран Запада, все привыкли делать запасы, закупать продукты впрок, одежду на вырост. Так мы «покупаем» уверенность в завтрашнем дне. «Пусть будет», «на всякий случай» — мы часто говорим эти фразы, это в менталитете русского человека, особенность, обусловленная нашим прошлым. Даже понимая, особенно в нас эта черта, мы ничего не можем с ней поделать: внутреннее беспокойство не исчезает. Люди в России живут впрок, про запас.

Есть ещё одна черта, доставшаяся от прошлого. Если весь мир сейчас стремится «открыться»: люди строят дома с огромными окнами, стеклянными стенами, тонкими перегородками — в Европе, например, я ни разу не видела железных дверей, — то у нас всё наоборот: высокие заборы, сейфовые двери, тонированные стёкла машин. Стремление спрятаться — отчасти следствие того, что в советские времена людей насильно заставляли быть открытыми, лишали возможности быть хозяевами своей жизни, всё время вторгались в неё, например: на работу родителям сообщали о плохой учёбе сына, за это отчитывали на партийных собраниях и так далее. И сегодня мы переживаем обратную реакцию на эти публичные разоблачения соответственной тенденцией: защититься в собственном мире.

Мороз как причина глобального потепления характеров

— Получается, мы — нация более закрытая. И менее счастливая? Достаточно хотя бы раз съездить за границу, чтобы сделать такой вывод при виде приветливых иностранцев... Как вообще, интересно, согласуются представления о русском человеке как об очень гостеприимном — и одновременно неулыбчивом, недружелюбном?

— Не считаю, что мы такая уж закрытая нация. Отшельников — людей, особенно склонных к уединению, — везде хвата-

ет. А на вопрос о том, кто более счастлив, ответить невозможно. Счастье — не психологическая, а субъективная категория.

Некорректно ставить в одну плоскость и характеристики «недружелюбный» и «неулыбчивый»: дело в том, что русские не привыкли показывать свои эмоции. Это также имеет свои корни в советском прошлом: показывать, что ты чувствуешь на самом деле, было чревато разными неприятными последствиями. Сегодня люди становятся более смелыми, открытыми, в силу того, что появляется ощущение безопасности, общество становится более толерантным.

— Влияет ли на этот процесс место проживания? Как можно оценить нынешнее самочувствие, к примеру, отдельно взятого города Красноярска?

— Город — очень неоднородная среда. Тем более что и Красноярск, и край сегодня — это территория миграции. Трудно делать однозначные выводы об общем психологическом состоянии, когда население отличается большой разнородностью. Но вообще Сибирь издавна была местом, где скапливалось много пришлого населения. И это положительно сказывается на психологическом климате в целом.

— А вот, например, можно ли говорить о сибирском характере или это один из штампов?

— Что такое русский характер

— определить крайне сложно. А вот представление о сибирском характере достаточно сформировано. Мы отталкиваемся от территориального признака: в Сибири суровый климат, который формирует особый тип личности. Жизнь в таком климате всегда объединяла людей, было понятно, что выжить можно, только помогая друг другу. Отсюда гостеприимность, ответственность, надёжность сибиряков. К тому же исторически сложилось так, что у нас никогда не было рабства, борьбы за землю: люди жили вольно и отличались свободолобием. В какой-то степени эти черты сохранились и сегодня, передаются от поколения к поколению в виде установок, негласных правил поведения и др.

Новые культы личности

— А что вы думаете о нынешнем молодом поколении? Верно ли наблюдение, что молодёжь сейчас более открыта, позитивно настроена?

— Наша молодёжь очень разная. А различия в восприятии жизни у поколений молодых и их родителей вообще колоссальные, поскольку мир очень быстро меняется. Не случайно, к примеру, в группы психологического тренинга стараются не включать одновременно людей с разницей в возрасте от 16 лет и больше. Иначе занятия неизбежно будут скатываться к вечной проблеме отцов и детей.

но, и объективно в большинстве случаев троечники оказались лучше устроены в жизни: занимают руководящие должности, довольны зарплатой, работой, семьёй. Причина — в том, что пока отличники в школе тратили большую часть времени на овладение предметами, троечники развивали свою коммуникативную компетентность, обретали навыки общения, в большей степени, как оказалось, необходимые в современном обществе.

— А если сравнить с западными странами?

— У них иначе. Там другой уровень экономики, и узкие специалисты высоко ценятся. Это общество индивидуальностей, оно менее «коллективизировано», чем наше.

Сменить жилетку на кушетку

— Раз мы заговорили о Западе, вот такой вопрос. Становится ли психологическая помощь в нашей стране со временем более востребованной, как в Америке, например? Как вы считаете, произойдёт ли когда-нибудь в России смена «жилетки друга» на «кушетку психоаналитика»?

— Мы только в начале этого пути. При всём коллективизме российским людям свойственна закрытость, тревога, они не привыкли открываться постороннему — врачу или психологу. Другое дело — семья или друзья. В западном обществе в меньшей мере принято делиться с близкими своими неудачами, и люди идут к психоаналитику, чтобы рассказать ему о проблемах своей жизни.

Но сейчас всё меняется, наши соотечественники становятся более открытыми.

Число тех, кто обращается за помощью к психоаналитикам, устойчиво растёт. Если раньше приходили спрашивать только о детях, то сегодня многие ищут помощи для себя.

Хочу сказать, что «кушетка» — это лишь один из способов восстановить душевное равновесие. Есть много других техник, эффективность которых для каждой личности разная.

— Если не секрет, как лично вы справляетесь со стрессом и что можете посоветовать на этот счёт?

— Могу сказать, что главное — в стрессе не впадать. Каждый из них провоцируется каким-то фактором: стрессором. И всё зависит от того, как вы отнесётесь к этому фактору. Можно уменьшить отношение к нему, а можно раздуть. Хорошо всегда помогает чувство юмора, умение посмеяться над собой. Есть и другие техники самоуспокоения: неплохо, например, действует установка «всё, что ни делается, — к лучшему». Каждый человек должен понимать, какая из установок продуктивна, а какая нет. Если, столкнувшись со стрессором, человек вспоминает что-нибудь вроде «все люди желают мне зла», это усиливает провокацию.

Мой совет — надо научиться фиксировать ситуацию, которая вызывает изменение состояния. Зафиксировали — это уже полдела, можно сформулировать своё к ней отношение и затем действовать, снимать напряжение. Хочу ещё раз подчеркнуть, что тот, кто умеет владеть собой, самостоятелен и ответственен (то есть психически здоров) — хорошо осознаёт, что происходит в каждую минуту. А вот если человека «ведёт», он не может управлять собой, плывёт по течению эмоций, — тогда ему надо к психологу.

— Как у нас в городе обстоят дела с психологической помощью?

— В Красноярске есть достаточно мест, куда можно обратиться. В каждом районе есть свои психологические центры, помощь оказывают как государственные, так и частные организации. Много практикующих психологов: наш университет давно выпускает специалистов этого профиля.

Я считаю, что здоровье — это не то, что дано человеку от рождения и что «нужно с речью»; здоровье формируется с борством и развитием ребёнка. Это два противоположных пути: стараться «не расслеснуть» или развивать ресурсы здоровья.

Татьяна АЛЁШИНА

Уездный город К.

Современный Красноярск: его возможное развитие, риски, ресурсы

(Окончание.
Начало на стр. 2)

Ефимов: Пришла пора перейти от сканирования настоящего — к прорисовке будущего. Одна из тем — Красноярская агломерация. Это грандиозный проект! Но мы понимаем, что агломерация не просто «объединение» близрасположенных городов и территорий, но и новое качество города. Нам важно понять, какие новые деятельности появятся в агломерации, какое новое качество экономики и жизни будет в городе?

Сейчас город — это социально бедные, плюс торгово-перекупочные слои, плюс чиновная бюрократия, которая может отчислять налоги от своих высоких зарплат. И вот тут вопрос первый — на чём будет запущена агломерация? В чём новая энергетика бизнеса? Откуда в город придут деньги?

Вячеслав Полищук: Если говорить о подготовленных документах по агломерации, то разработаны два из трёх: стратегия и схема территориального планирования. В разработке стратегии принимало участие 12 крупных институтов, в том числе федеральных, специалисты международного уровня. Она получилась огромной — 1110 страниц. Но третий необходимый документ, закладывающий механизм формирования комплексной инвестиционной программы (то есть отвечающий на вопрос «откуда деньги»), — не готов. Заказчик, а это руководство края, пока молчит.

Основная цель агломерации — чтобы в этом месте и этим людям было комфортно жить. Для приведения в порядок нашего жизнеустройства на территории агломерации (а сюда попадает Красноярск, Дивногорск, Сосновоборск и 4 прилегающих района) по примерным оценкам необходимо от 600 млрд рублей до 1 триллиона 300 миллиардов. Это менять жильё и коммуникации, строить дороги, переносить заводы... В этом году во всём Красноярском крае было построено всего 2 км дорог. Представляете, насколько мы отстаём?

Стратегия агломерации рассчитана до 2020 года. Начиная с 2008-го. Каждый день, пока мы не начали следовать этому плану, — это упущенные возможности.

Фирюлина: Насколько я знакома с документами — степень проработки проблемы в них достаточно высокая. Если бы мы во всех своих действиях следовали этой стратегии, а не делали движения в сторону, то уже бы много сэкономили.

Полищук: В 2008-2009 годах в отношении планов агломерации позиция правительства Красноярского края была очень активной. Сейчас смена команды, кризисные явления объективно дают основания сказать: не до того. Но на самом деле в кризис, когда ресурс ограничен, ещё важнее иметь чёткий план.

Ефимов: У меня такой вопрос: развитие инфраструктуры вокруг крупных городов, получение новых центров на периферии — всё это на Западе было связано с ростом доходов среднего класса и его «уходом в пригороды», а главное — с притоком населения. У нас ситуация другая — средний класс не сформирован, приток населения отсутствует и даже имеется отрицательная динамика. Тогда почему агломерация имеет шансы?

Полищук: Процесс агломерации — объективный процесс трансформации крупных населённых пунктов. Красноярская агломерация — это ядро (в данном случае Красноярск) и вокруг него благоустроенные территории. Вопрос в том, будет ли Красноярск пробкой или локомотивом в развитии территории. Пока он — ступор агломерации, транспортной мобильности никакой.

Что касается вопроса — у агломерации нет своих шансов, шансы есть у людей. От их количества и качества будет зависеть качество агломерации. Нынешний тренд — убыль населения; по прогнозам к 2020 году на территории агломерации мы потеряем порядка 250 тысяч человек. Это означает, что мы фактически теряем возможность управлять территорией, потому что уже сейчас в крае — 1 человек на 1 кв. км, а будет ещё

меньше. Противостоять этому может только активная миграционная политика.

Ефимов: Получается, агломерация — это национальный проект по масштабу задач. На какой энергетике — экономической, социальной, культурной, демографической — агломерация будет развиваться? Допустим, люди сюда поедут — что они будут делать? На чём будет зарабатывать агломерация?

Полищук: Если бы мы начали этот процесс, в первую очередь могли бы зарабатывать на транспортной логистике, потому что у нас геополитическое положение удачное. На авиатранспортной логистике — если бы начали заниматься авиатранспортным хабом. Могли бы активно развивать инновационное производство по глубокой переработке сырья. Толковая наука есть, и новые кадры СФУ может готовить. Если мы по-прежнему будем закачивать нефть и газ в трубу, мимо агломерации, то о каком развитии территории говорить, когда всё мимо идёт по минимальным ценам? Мы могли бы наши металлы доводить до такой высокой степени очистки,

тики, когда тонна стоит миллион долларов, а не тысячу, как сейчас. Тогда транспортное плечо не играет роли: эту тонну можно погрузить в самолёт и доставить в любую точку планеты.

Крушлинский: Образно говоря, в ридикюле женщины нужно вывозить из Сибири продукцию.

Полищук: А если мы не будем заниматься глубокой переработкой сырья, то больше здесь делать нечего. Мы не станем ни Силиконовой долиной, ни мировым городом.

За последние три года, к сожалению, мы упустили инициативу по отношению к новосибирцам, которые успели смонтировать вторую взлётную полосу и принимают международные авиалинии... Иркутск тоже лоббирует строительство нового аэропорта, Чита... Скоро мимо нас пойдут все трассы.

Ефимов: Глубокая переработка ресурсов — это фактически индустриальный формат. Наша конкурентность в отношении Китая в индустриальном формате, с учётом их дешёвой рабочей силы, равна нулю. А как же экономическая эффективность — если там перерабатывать дешевле?

Полищук: Но сырьё — наша собственность. И потом — есть ещё государственная политика, когда в первую очередь должны учитываться интересы собственного народа, а не экономическая выгода отдельных граждан.

Ефимов: Значит, есть риск, что это экономически невыгодно, но государство готово осуществлять такую политику. Хорошо. Второе: если агломерация предполагает развитие логистики, то новыми форматами деятельности могло бы быть обеспечение трансконтинентального коридора: Европа — Сибирь — Китай.

Полищук: Агломерация — прежде всего повышение уровня жизни населения здесь. А за счёт чего: трансконтинентальных линий или межгалактических станций — другой вопрос. Пока логистику развивает Новосибирск.

Когда встал вопрос о развитии транспортных компаний, правительство Новосибирской области выкупило земельные участки, приближенные к железной дороге, и создало несколько крупных логистических комплексов. Естественно, все перевозчики туда перебазируются. Аналогичные проекты в Красноярске не стали развиваться — мы опоздали, а там правительство создало условия.

Ефимов: Если вокруг Новосибирска нарисовать круг радиусом 600 километров (столько за сутки можно проехать с грузом), то в него попадает почти 10 млн жителей — небольшая европейская страна. Это уже значительный рынок.

Полищук: По этой логике — чем западнее, тем больше населения, и Красноярск в заведомо менее выгодных условиях. Да, у нас мало людей. Поэтому эти риски компенсируются тем, что а) людей надо привлечь; б) те, кто здесь есть, должны иметь достойный уровень жизни и рабочие места.

Ефимов: Я считаю проект Красноярской агломерации очень важным и прорывным для

молекулярного полиэтилена. Повторное использование пластиковой бутылки даёт новые технологии производства жидкого дерева, которого в России нет вообще. И каждый проект — это в среднем 1,5 млрд рублей. Если развернуться в этом направлении, можем найти десятки проектов, которые обеспечат нормальную жизнь здравомыслящего населения.

Потому что качество населения тоже ухудшается, и лет через 10 мы просто-напросто не найдём профессиональных кадров на рабочие специальности. Уже сегодня вся молодёжь хочет идти исключительно в менеджеры.

Фирюлина: Образ богатых обеспеченных людей, которые ничего не делают, очень укоренился в сознании молодёжи — это результат активности СМИ и нашей информационной политики...

Ефимов: Наши исследования тоже показывают, что грамотная образованная молодёжь сейчас прямо ориентируется на отъезд из города в сторону запада России и в Европу. Для них здесь нет условий, потому что стандарты жизни и деятельности, в которых они себя видят, — уже постиндустриальные...

Полищук: Это навязано. Но надо понять, что невозможно развивать неиндустриальную деятельность, не имея где-то индустриальной базы. Мы не можем все стать программистами, аналитиками, юристами и экономистами.

Ефимов: Какой у города креативный потенциал? Стремление включиться в культурные потоки? Творческие идеи, которые вылескивались бы за пределы города? У нас это не выражено, город сам на себя замкнут... Он не просто не берёт, а сторонится функций «центрального города».

Крушлинский: Красноярск был центральным — в советское время. Я помню, мы на новосибирцев смотрели свысока: здесь в 6 раз больше продукции делали. У нас был самый развитый промышленный город за Уралом. И дух был — центра. Долгих здесь сидел; он в Норильске столько инноваций внёс, атомный реактор поставил — нынешним менеджерам такой размах не снился.

Полищук: Разрастание чиновничьего аппарата приводит к тому, что деятельность направляется на внутренние процессы. Во всём виновата чиновничья психология. Когда основная логика: прийти на работу, пересидеть и получить зарплату — о каком развитии можно говорить?

Вот в чём секрет успеха Белгородской области? Там губернатор — харизматичный и глубоко патриотичный. Отец родной, которого все боятся и реализуют программу, главный тезис которой простой: всё для человека. Когда он пришёл, то создал при себе рабочую группу по развитию области.

Все руководители всех министерств по субботам (в нерабочее время) с 10 утра до позднего вечера разрабатывали программы и механизмы развития области. Такой инструмент у них действует по сей день, но за 4 года они разработали новую региональную нормативную базу.

Это позволяет им сейчас эффективно расходовать собственные средства и по 3-4 млрд привлекать федеральных средств. Потому что у них реальные программы, амбиции, люди, молодёжь. Они для молодёжи построили спортивный комплекс олимпийского масштаба — лучший в России. Мы там были — стало настолько грустно...

Так вот по законодательству Белгородской области каждый человек имеет право получить земельный участок от 12 соток до 1-2 га за 20 дней. Приходишь в муниципалитет, пишешь заявление на бланке специальной формы. На обратной стороне там расписано, когда к какому чиновнику оно пришло и когда ушло. Если какой-то чиновник задержал у себя прохождение этого документа, и человек за 20 дней не успеет оформить в собственности участок, — чиновника увольняют. А земельные участки уже нарезаны, к ним дороги проложены, инфраструктура и социальные объекты есть.

Дальше, оформив собственность на землю, человек идёт в банк и получает кредит на строительство — от 1% годовых на 10 лет можно получить ссуду 1 млн. И материалы на строительство у них дешёвые. Они продумали всё от и до.

Ефимов: Ну что ж, тема управления очень актуальна — у нас новый губернатор. Он может проявить волю. Поставить задачу — изменить ситуацию.

Полищук: Когда мы к ним приехали, сразу стали спрашивать — вам тоже мешает 94-й федеральный закон? Они смотрят на нас удивлённо — ничего им не мешает. У них теперь одна проблема: уже сложно найти людей с горящими глазами, которые чего-то бы хотели. Если приходит человек, готовый организовать ферму, ему сразу дают землю, кредит, материалы — лишь бы работал. Сельское хозяйство развивается — яблоку негде упасть. Ставят высокотехнологичное оборудование, имеют высокие зарплаты.

Конечно, их преимущество — климат. Он мягче. Есть газ. По градостроительным нормам изоляционных материалов требуется на 10% меньше.

Фирюлина: Для будущего развития очень важна оседлость жителей в территориях, которые только малый и средний бизнес может обживать. Должны быть созданы условия — программы поддержки, в том числе для получения кредитов. У нас появились муниципальные гарантии, но ими никто активно не пользуется.

Или вот, сделали хорошее дело, выделили многодетным семьям землю — в районе Кузнецовского плато и микрорайоне «Славянский». А инфраструктура-то нет, она появится в лучшем случае в 2012 году. Плюс надо найти доступные кредитные ресурсы, чтобы люди строились, первые 400 семей. Эта социальная категория вообще такова, что её всю жизнь надо поддерживать. Без социальной поддержки демографические проблемы не решим, задача государства — предоставить возможность, но строить свою жизнь человек должен сам.

Ефимов: Подвожу итог. Красноярская агломерация — это самый важный проект, обеспечивающий развитие Красноярска и Красноярского края. Этот проект может дать энергетику для всех процессов развития, он направлен на «обживание территории», а не на «вахтовое освоение месторождений». Агломерация — это условие для развития промышленности, инноваций, образования и культуры. Агломерация — это новое качество жизни, это место для федерального университета, это центр притяжения в край молодёжи. Только в рамках проекта агломерации Красноярск может потянуть амбицию «центрального города», иначе он будет смещаться на периферию экономических и социально-культурных процессов.

Строить нужно не здания, а жизнь

Считает главным архитектором города Вадим ПИРОГОВ

Как всякий город, Красноярск застраивался постепенно. А потому даже на центральных улицах соседствуют малогабаритные хрущёвки, брежневские серые монолиты и претенциозные дома «для новых русских». Уверять, что Красноярск — очень красивый город, — скорее выдавать желаемое за действительное, хотя, несомненно, за последние десятилетия он похорошел.

— Вадим Николаевич, наверное, трудно из промышленного города сделать красивый краевой центр? Заводские районы нигде и никогда не были привлекательными, а у нас заводы были не только в черте, но и в центре города... Это наложило на Красноярск свой «неизгладимый» отпечаток?

— Действительно, Красноярск преимущественно был застроен производственными предприятиями, причём в условиях войны и эвакуации, когда некогда было рассуждать о генплане. Важно было разместить их как можно ближе к железной дороге, к водной артерии (Северным путём сюда тоже приходили баржи). Поэтому правый берег быстро был занят заводами. Это, конечно, испортило город. Даже сейчас у нас практически нет подходов к Енисею. Мы по-прежнему исправляем эту «особенность» города.

Генеральный план города предусматривает вынос всех предприятий за черту Красноярска, и не только для красоты, но и в целях улучшения экологической ситуации. Мы начали осваивать территорию, занятую судоремонтным заводом, — строим микрорайон «Южный берег», благодаря чему у нас будет выход к воде. Такие же планы по поводу комбайнового завода.

Вообще градостроительство — это целая наука. Она не такая яркая, как архитектура, но рассчитана на многие годы и проявляется позже.

— Вы упомянули о генплане. Какие радикальные изменения он предполагает?

— Генплан рассчитан до 2020 года. В течение этого срока мы планируем полностью реализовать транспортную схему, в первую очередь, построить четвёртый мост, обустроив подходы к нему, вынести комбайновый завод, застроить жилыми микрорайонами Пашенный (вынести оттуда мелкие предприятия, ДОК), Николаевку. Вдоль набережной должна пройти дорога — от нового моста до моста 777; сложный участок в районе медицинского университета, поэтому там дорога может пройти по эстакаде прямо над Енисеем.

Все эти планы связаны с финансово-экономической ситуацией в стране; если не будет инвестиций — сроки реализации генплана увеличатся.

— А деньги местные или федеральные?

— Смотря какие объекты. Строительство коммерческих объектов, в том числе жилья, осуществляется за счёт средств частных инвесторов. Мост — это в значительной мере федеральные деньги. Говорят о привлечении частного капитала, но тогда это будет платный мост. Насколько это сейчас серьёзно? Пока у нас платных мостов почти нет, в Сибири мне известен один — в Барнауле.

— Новая транспортная схема ликвидирует в городе пробки?

— Только отчасти. Мы расширяем улицы, но это не даёт должного эффекта. Необходимо убрать как можно больше светофоров, сделать непрерывное движение. А значит — строить подземные или надземные эстакады, делать мосты для пешеходов. Поэтому когда начиналось строительство метро, мы очень надеялись, что у нас появится мощная техника, которая сможет не только метро прокладывать, но и другие городские проблемы решать.

В идеале хотелось бы сделать, как в Канаде, где параллельно сети метрополитена проложены целые подземные улицы. Там можно посидеть, отдохнуть под живыми деревьями. Туда вынесены кафе, магазины, кинотеатры, парковки.

Кроме того, метро может ре-

шать проблему прокладки коммуникаций. У нас весь центр города испещрён ими. Мы планировали, чтобы под проспектами им. газеты «Красноярский рабочий» и Мира были построены крупные коллекторы, в которые могли бы войти любая техника и ремонтная бригада. Остальные коммуникации присоединились бы на примыкании к основной инженерной «ветке». И обслуживать проще, и не было бы такой протяжённости сетей. Мечта любого города иметь подобное инженерное решение.

— Если с метро связано так много надежд — почему мы отказались от этой идеи?

— Мы не отказались, а, напротив, надеемся, что хотя бы часть станций метро будет запущена в ближайшие годы, но ситуация с финансированием подобных объектов сложная во всех городах России. Красноярск не исключение. На данный момент законсервирована одна станция, и то из соображений целесообразности. Работы на других участках медленно, но идут.

— Какие современные здания можно отнести к архитектурным достопримечательностям Красноярска?

— Мне импонируют архитектурные ансамбли в районе Стрелки и левобережной предместной площади, комплекс спортивных сооружений на острове Отдыха. Что касается примеров современной архитектуры, у нас появилось на сегодняшний день самое высокое в городе здание — административно-офисный комплекс «Первая башня». Не буду утверждать, что это шедевр, но шаг к высотной архитектуре сделан. Хотя если мы посмотрим на города Средиземноморья — Италия, Югославия — они очень краси-

— Наверное, берега, застроенные домиками, выглядели как раз уютно, красиво...

— Что красивого в разномастных домишках с многочисленными пристройками и завалившимися заборами... Для Красноярска — столицы края — оставлять такую застройку вдоль реки недопустимо. В своё время было принято решение о преобразовании города в градостроительном плане, разработан проект, который, правда, не до конца реализован. Он был в имперском стиле: огромные проспекты, мост в два раза шире планировался...

— А что с проектом комплекса культурных и увеселительных заведений, которые должны были расположиться на набережной?

— Город этого не планировал. Есть проект размещения там современного музея искусств, но это пока лишь предложение. И в районе Стрелки планируется открыть Синема-парк — комплекс современных цифровых кинотеатров. Видимо, об этом речь.

— Скажите, решение о любом проекте проходит через ваше управление? Например, банки имеют склонность строить помпезные аляповатые здания в самом центре; у вас есть полномочия предписать им выбор другого проекта, менее выпячиваемого?

— Такие вопросы решаются коллегиально, на градостроительном совете, где рассматриваются проекты. Но порой застройщики занимаются самодеятельностью: уже пройдя согласования, вносят изменения в проект. Опять же, если говорить о стиле: сколько людей, столько мнений. У каждого проекта есть архитектор, это его видение, его идея. И в рамках совета один эк-

завать на себя и строительство парковок, и их обслуживание. У нас около 50 мест в городе предоставлено под многоуровневые парковки; но их не строят, потому что по расчётам такая парковка окупится через 15 лет. Нашему бизнесу это невыгодно.

— Когда застраиваются новые микрорайоны — почему они все «типовые», а не уникальные, так, чтобы это каждый раз было новое слово в архитектуре?

— В Красноярске представлена и типовая, и индивидуальная застройка, но, конечно, мы чаще ищем компромиссы, чтобы расселить людей, дать им доступное жильё. В наше время можно воплотить в жизнь любую архитектурную идею: как уютно изогнуть фасад, применить любые материалы... Но сколько будет стоить квадратный метр такого жилья? Кто его будет покупать? Жильё только для богатых?

Хрущёвки в своё время вытаскивали людей из землянок. Правда, загнали нас в другой угол. Сейчас эти дома устарели настолько, что даже жить в некоторых опасно. Те газобетонные серии, что были построены на Предместной, рассчитаны на 25 лет, и только потому, что в СССР запас прочности всегда увеличивали в 5 раз, они до сих пор стоят. Их, конечно, надо сносить, людей расселять. Но это значит — надо строить взамен социальное жильё. Сейчас этот процесс идёт в Красноярске достаточно активно в отношении двухэтажных, как правило, деревянных бараков. В текущем году мы носим и первую пятиэтажку — общежитие на Вавилова, это прецедент.

— Всё же о новых микрорайонах. Практически реализован проект застройки Вздётки, считающейся престижной. А что в ней особенного?

— Это микрорайон, который возник на пустыре. Если вернуться в историю, то при Павле Стефановиче Федирко предполагалось перенести туда деловой центр Красноярска. Проходили конкурсы по созданию проекта нового центра, участвовало несколько институтов, в том числе новосибирские, московские, ленинградские, наш Гражданпроект. Были невероятные идеи — в том числе разместить административные и офисные здания на острове Татышев. Но потом выбрали Вздётку, и даже строительство началось. Например, пустующего сейчас здания крайкома партии...

Если бы перенос всё же состоялся — у нас бы появился собственный «старый город»; в исторической части Красноярска не было бы пробок, мы любовались бы старинными зданиями. Можно было бы организовать просторную пешеходную зону. А так — где власть, там и офисы, и торговые точки, всё движение здесь сконцентрировано.

Теперь вопрос о переносе делового центра решить ещё сложнее, хотя — почему нет? В Бразилии целую столицу перенесли, построили новую. То же — в Казахстане: построили новую Астану и освободили Алма-Ату.

— У города есть своя архитектурная философия?

— Город сам диктует, что ему требуется. Есть транспорт, пешеходы, остановки; есть экономика, есть экология. Это всё должно учитываться. Мы не украшательством должны заниматься, а выстраивать комфортную жизнь. Тогда и архитектура будет другой, и город в целом. Как раз украшательство быстро уходит, не оставляя следа, а вдумчивый подход с прицелом на будущее — останется. Мне близка философия функционализма. Вот автомобиль — полностью функциональная вещь, и именно выполнение тех или иных функций определяет элемент его внешнего вида, дизайн.

— Опыт каких городов мира вам хотелось бы применить в Красноярске?

— Я был в Финляндии несколько раз. Мне понятна их архитектура, их образ жизни. У них много дерева, и они его используют — и в строительстве, и в отделке. У нас тоже много дерева, но мы почти ничего не умеем из него делать. В Финляндии комбинаты предлагают индивидуальные дома коттеджного типа. Выбираешь по каталогу любой фасад, любую планировку — и тебе всё приво-

ДОСЬЕ

Вадим Николаевич ПИРОГОВ, главный архитектор города Красноярска. В 1980 году закончил архитектурное отделение Красноярского политехнического института. Начал в «Красноярскгражданпроект». Самая первая после студенческой скамьи работа — проектирование пристройки к телестудии. Занимался реставрацией — в частности, восстанавливал «дом Нансена», где сегодня расположен музей Сурикова. Авторитетное имя для Пирогова — американский архитектор начала XX века Франк Ллойд Райт, который мог «вписать» здание в любой ландшафт (о его самом знаменитом проекте «Дом над водопадом» написана целая книга). В живописи близки импрессионисты. Идеальной книгой считает «Войну и мир», а в кино сильнейшее впечатление в своё время произвёл «Крёстный отец». Два сына; старший — дизайнер, младший — архитектор.

зят в упаковке, как разобранный конструктор. У нас уровень пока совсем другой.

А вот, скажем, из Франции ни один дом мы сюда перенести не смогли бы. У них окна — размером со стену, вход в комнату — с улицы. Мы не можем себе это позволить, нам нужны сени, тамбур, веранда — надо тепло сохранять. Вообще наш климат требует очень много дополнительных усилий и затрат.

— Вы упомянули Астану. Для её проектировки и строительства приглашали мировых архитекторов — Кисе Курокава, Норман Фостер. Когда обсуждался проект СФУ, тоже мечтали пригласить мировую величину, но обошлись своими силами... Как вам нынешний архитектурный ансамбль университета и насколько он значим для лица города?

— Мы рассчитываем, что СФУ станет визитной карточкой города, но пока о кампусе сложно что-то сказать. Проект «пирамиды», сейчас достроенный, был заложен десятилетие назад. Огромные коридоры, пустые пространства. Оказывается, это был типовый проект какого-то ташкентского института, узбекские проектировщики его делали. Для их климата такой вариант вполне подходит, но у нас там зимой можно замёрзнуть.

Пригласить сюда Фостера — наверное, было бы неплохо. Но этого мало, надо чтобы весь генплан сработал в том направлении, в котором он обсуждён, утверждён и т.д. Сегодня генплан постоянно пересматривается. В первую очередь застраивают территории, где не требуется снос. Но такие решения не всегда идут на пользу архитектуре. Если мы начнём ломать генплан — никакого комплексного освоения не получится.

— Если бы у вас был неограниченный бюджет — что бы вы сделали в Красноярске?..

— Да на то же самое: дороги, социальную инфраструктуру, доступное жильё. Ещё я бы убрал из города крупные торговые центры, некоторые из них занимают территорию целого микрорайона на 14-15 тыс. жителей. Хотя не всё так однозначно — подобные центры играют не последнюю роль в наполнении бюджета города, обеспеченности рабочими местами.

— Вы живёте в доме, который сами построили?

— У нас редкий архитектор может себе позволить жить в собственном доме. Когда я первый раз оказался в Италии, меня спросили: «На вашей вилле есть бассейн?». На Западе ценятся архитекторы, врачи, люди искусства, к ним относятся по-другому. В многоквартирных домах у них живёт молодёжь, студенты.

Валентина ЧЕЛАЗНОВА

Самое высокое здание в Красноярске 120 метров

вые и без небоскрёбов. Просто — бережное отношение к земле. Там каждый клочок земли используют рационально, находят своё решение, облагораживают.

— У нас земли много, можем не беречь... Скажите, как вам наша набережная? Соответствует ли она той великой реке, на которой стоит город? Скажем, даже в Екатеринбурге, хотя река Исеть — далеко не Енисей, набережная гораздо красивее и привлекательнее для отдыха. А у нас она — зимой завалена снегом, летом забита палатками и шашлычками, так что гулять там невозможно: шум, музыка, теснота...

— Палатки мало кому нравятся. Но чтобы убрать набережную, нужны деньги, приходится искать компромиссы, привлекать бизнес. А сама набережная, я считаю, у нас достойная. В Кемерово такой нет, в Барнауле тоже нечем хвастать — берег красивый, крутой, но никак не ухожен. Набережная в Красноярске, можно сказать, уникальная. Раньше она вся была застроена частными строениями. Естественно, ни о какой эстетике и речи быть не могло. При благоустройстве берегов снесли очень много таких построек, что позволило сделать это место достопримечательностью города.

сперт критикует архитектурное решение, а другой говорит, что оно отличное.

— Но разве в современном городском строительстве не должно быть жёстких требований? Например, только подземные парковки, наличие зоны отдыха. Ведь сегодня не успеют сдать жилой комплекс, а автомобили уже стоят и на газонах, и на тротуарах, и на детских площадках...

— У нас есть положение, утверждённое главой города: на одну квартиру должно быть обеспечено одно машинное место, наземное или подземное. Мы стараемся хотя бы из этих норм исходить. Застройщик должен в соответствии с нормативами часть территории застроить, а часть благоустроить. Но, бывает, застройщик отступает от проекта. Приходится с этим бороться...

Что касается строительства исключительно подземных парковок — сегодня не все люди готовы их оплачивать, и застройщики вынуждены содержать такие парковки: обеспечивать вентиляцию, отопление и так далее. Это дорого стоит.

Считаю, что государство, заботясь об экологии окружающей среды и здоровье граждан, должно хотя бы частично

Прописка меньшого брата

«Роев ручей» мечтает о слоне и бегемоте

Я приехала в «Роев ручей» утром. Пока карабкалась по каменным ступеням куда-то вверх, в округе, совсем как в деревне, пели петухи. Это уже когда я зашла на территорию зоопарка и увидела, кто там на самом деле поёт, поняла, что петушки не простые — в клетках вдоль аллеи расхаживали куры, индейки, цесарки. И все голосили, встречая новый день и служителей, у которых в самом разгаре был процесс кормления. Дорожка к администрации лежала мимо вольера с зубром. Я его заметила, когда он всхрюкнул у меня под самым ухом, и вспомнила, что в «Роевом ручье» не была уже года четыре — в отличие от своего ребёнка, который там каждый год бывает. Постояла, огляделась — так хорошо тут было солнечным сентябрьским утром, свежо! Решила, что после интервью обязательно пройду по парку. И вот в таком размячённом состоянии вошла в кабинет Николая Васильевича КУЛАКОВА — директора парка флоры и фауны «Роев ручей». Хотелось поговорить о том, как зоопарк стал визитной карточкой Красноярска наряду со Столбами и Енисеем. И о том, как живёт он на одиннадцатом году своего существования.

— Николай Васильевич, какова роль зоопарка в городе?

— Знаете, зоопарки возникли ещё до нашей эры. Первые были замечены в Китае, они назывались «Цветущие сады». Человек всегда был рядом с животным, и на всём протяжении цивилизации совершенствовались отношения между животными и людьми. В Европе зоопарки появились в 15 веке. В России — в 18-м. Сначала Московский, а год спустя возник Санкт-Петербургский. И сегодня в России насчитывается около 40 зоопарков.

— Не очень-то много.

— Да, надо сказать, что в небольших Чехии и Словакии зоопарки больше, чем в России. А главная задача зоопарка — сохранить исчезающие виды животных. Сохраняя редких животных, мы сохраняем окружающий мир, а значит, и себя. Простая логика. А ещё это мощное средство воспитания людей. В первую очередь, экологического воспитания. Это новые знания о жизни животных, положительные эмоции от общения с ними. Сегодня не может быть города без зоопарка! Ведь многие городские дети, к сожалению, не видели в своей жизни даже курицы, не говоря уже о других животных.

— В августе вы отмечали 10-летний юбилей «Роева ручья». Что произошло за эти годы, каким был парк флоры и фауны, и каким он стал?

— Идея создания зоопарка витала в городе давно. Был такой художник Бахтин, он носился с этой идеей...

— Знаю это имя. Замечательный художник, он теперь в Америке живёт.

— Да. У него картины с журавлями, удивительные просто... В то время, в 70-80-е, разрабатывался проект зоопарка на острове Татышев, и если бы коммунисты реализовали проект, это было бы прекрасное место для зоопарка. Сегодня развитие нашего зоопарка сдерживает отсутствие инженерных сетей, а зоопарк — это большой организм, у которого и отходы имеются... Ну, так вот, в 2000 году 15 августа было подписано распоряжение о создании муниципального учреждения «Роев ручей». А идею этого парка флоры и фауны реализовал Пётр Иванович Пимашков. Работы начались за полгода до этого, ездили, смотрели территорию. Основой зоопарка стала коллекция животных, которые жили в заповеднике «Столбы», так называемая коллекция Елены Крутовской. Там было около 20 экземпляров, в том числе волк, ворон. На сегодня из них осталась только одна медведица Маша. Потом были приобретены первые питомцы в Новосибирском зоопарке. И вот так всё начиналось — с семидесяти экземпляров и со штата около 30 человек.

— Вы тогда уже работали?

— Я пришёл в 2001 году, и вот уже работаю 9 лет. За эти годы зоопарк изменился, конечно. Каждый год мы чем-то прирастаем. Тот же штат сегодня насчитывает более 250 человек — признанный, трудоспособный коллектив. Наши специалисты знают не только в России, но и за рубежом, у нас сегодня работают два кандидата наук, несколько аспирантов. Зоопарк реализует все идеи своего существования: во-первых, сохранение редких животных; во-вторых, научная работа; третья — культурная программа, и, разумеется, организация досуга для горожан. Вообще, без взаимодействия со школами, с высшими учебными заведениями мы себя просто не мыслим. У нас заключены договоры и с СФУ, и с педуниверситетом, и с аграрным университетом, здесь проходят практику студенты и школьники.

— Чем отличается «Роев ручей» от зарубежных зоопарков? Вы ведь наверняка там бывали?

— Я побывал практически во всех зоопарках России. В Европе был в зоопарках Чехии, Франции, Великобритании. В Америке, в Африке. Очень много зоопарков посетил в Китае.

— Китай — страна противоречивая. С одной стороны, говорят, что китайцы хищнически относятся к природным ресурсам. С другой — стараются поддерживать исчезающие виды. Хорошо известно, например, как они заботятся о пандах.

— У них очень много зоопарков, но почти все они коммерческого направления, главная их цель — получение доходов. Животными торгуют, их эксплуатируют — дрессура, фотографии и прочее. Я достаточно много объездил зоопарков, для того чтобы реализовать здесь то, что видел там. Из Чехии привёз идею контактного детского зоопарка. Из зоопарков Америки — идеи оформления и дизайна. В Америке я был на Аляске, во Флориде, смотрел очень много.

— У нас в отделе млекопитающих это обычное дело. Потому что животные, сами рождённые в зоопарке, бывает, отказываются воспитывать своих детёнышей — их этому никто не учил. Тигрица такая была, львица. И особенно обезьяны. До сих пор у нас павиан Леди не хочет воспитывать своих детей. Она рождает и «затаскивает» этого детёныша — трясёт его всё время и при этом сама не кормит. Сотрудницы забирают детёныша и выкармливают специальным, так называемым «сучьим» молоком, из пипеточки, из соски. Девочки дежурят ночью по очереди. Такая же ситуация была с тигрицей — Ириска родила двух котят, встала и ушла. И мы уже в течение трёх лет объявляем, что ищем собаку. Обычная собака у нас вскармливала тигрят, львят и пумёнка.

Во время интервью звонит телефон, Николай Васильевич с кем-то оживлённо разговаривает, а потом радостно объявляет:

— Пришёл СИТЕС из Африки на приобретение белых львов. СИТЕС — это международная конвенция, которая регламентирует перемещение редких животных. Вот теперь мы получили разрешение на приобретение такого редкого животного. Покупаем пару.

— Скажите, а бывает, что звери убегают?

— (Смеется) У нас в прошлом году случай был... тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не повторилось... случился побег. Пеликан улетел. Однажды улетал лебедь, этот случай на телевидение попал. Как это происходит? У нас, как вы знаете, есть пруды, мы держим водоплавающих под открытым небом, и есть техно-

логии, которые позволяют содержать их в открытом водоёме, не боясь, что они улетят. У здоровой птицы просто обрезаются маховые перья, что совершенно безболезненно, таким образом, нарушается баланс, и она не может взлететь. У этого способа есть, конечно, свои минусы: птица не размножается — самец просто не может делать «сидку», то есть, спариваться. Вот было два побега — улетал пеликан, улетал лебедь. Обоих ловили и поймали.

— Не помешало ли отсутствие маховых перьев?

— Птицы подросли и их вовремя не смогли отловить для обрезки. А вот баклан убежал с концами. Очень хитрая птица, страшно умная, не могли отловить никак, чтобы обрезать крылья.

— Не вернулся?

— Так и пропал. Где-то в природе размножился...

— Как вы пришли к тому, что стали директором зоопарка? С детства об этом мечтали?

— Нет, никогда не думал об этом, потому что по профессии я педагог, учитель истории. Долго работал в системе профтехобразования. Затем Пётр Иванович Пимашков пригласил меня в администрацию Свердловского района. Следующий этап — администрация города. В 2001 году я работал в департаменте недвижимости, и когда Пётр Иванович вызвал меня к себе и сделал предложение возглавить зоопарк, для меня, конечно, это было полной неожиданностью. Моя работа меня полностью устраивала, но, в то же время, я почему-то не сомневался, что и в зоопарке у меня получится — меня всегда тянуло к природе.

Наша коллекция отличается большим разнообразием. Но бесконечно зоопарк не может увеличиваться, поэтому мы стараемся развивать интересные виды, мечтаем о слоне, о бегемоте...

— Одно время в СМИ очень была популярна история белого медвежонка Кнута. Он родился в Берлинском зоопарке, и от него отказалась мать. Воспитывал Кнута сотрудник зоопарка, и это была очень тесная эмоциональная связь между медвежонком и человеком. У нас случалось что-нибудь подобное?

— Мы не только декоративных животных продаём. Специально привозим такие виды, чтобы они нашли применение у населения. Это курицы — и мясного направления, и яйценоского. Гуси, утки, индюки. Поросят мы реализовали порядка 200 голов. Уток тысяч 10-12, тысячу гусей.

— А где вы их разводите, держите?

— У нас есть дополнительная территория. Отсюда буквально два километра, на нижней тер-

Мэр говорит мне так: «Николай Васильевич, хоть на Луну поезжайте, но привозите положительный опыт».

Я благодарен Петру Ивановичу за его внимание к зоопарку. Иногда находятся люди, готовые критиковать наш якобы большой бюджет, но это не так. Деньги, отпускаемые зоопарку, гораздо меньше средств, допустим, потраченных на какое-нибудь муниципальное спортивное учреждение. К тому же, зоопарк сегодня на 50% покрывает собственное содержание за счёт платных услуг, оказываемых населению.

— Как происходит обмен животными с другими зоопарками? Наверное, вы часто меняетесь, чем покупаете?

— В мире существует несколько общественных организаций, которые объединяют зоопарки, и вся их деятельность регламентируется документами. В каждой стране существует своё ветеринарное законодательство. Любой зоопарк в течение года отправляет информацию о том, какие у него есть животные на обмен и на продажу, а потом договаривается с заинтересованными сторонами. За счёт собственного воспроизводства у нас проблем нет — мы договариваемся по обмену буквально с любым зоопарком. Кроме этого, практикуется передача животного на содержание другому зоопарку. Например, четыре года у нас содержалась самка снежного барса. Мы не смогли ей за это время найти самца. Поэтому приняли решение передать её на временное содержание в Казань, где живёт самец снежного барса, которого кто-то подарил Шаймиеву. Договорились, что потомство будем делить поровну.

Наша коллекция отличается большим разнообразием. Но бесконечно зоопарк не может увеличиваться, поэтому мы стараемся развивать интересные виды, мечтаем о слоне, о бегемоте...

— Одно время в СМИ очень была популярна история белого медвежонка Кнута. Он родился в Берлинском зоопарке, и от него отказалась мать. Воспитывал Кнута сотрудник зоопарка, и это была очень тесная эмоциональная связь между медвежонком и человеком. У нас случалось что-нибудь подобное?

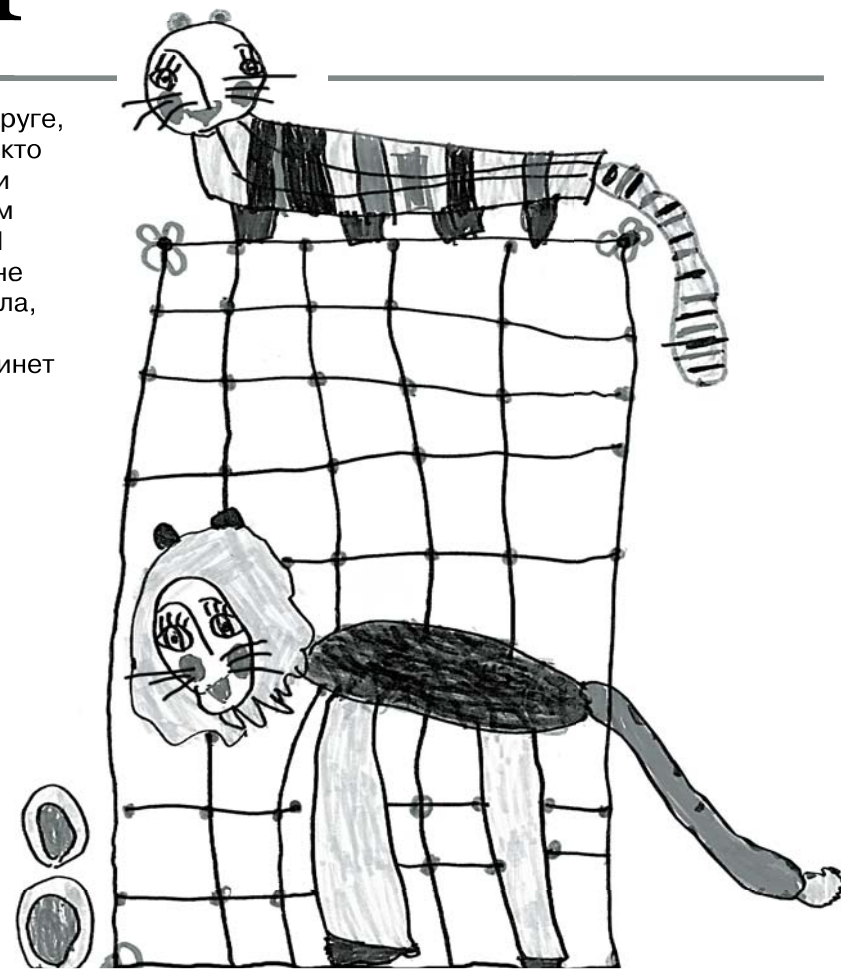
— Я могу подолгу останавливаться у вольеров с копытными. Белье медведи, конечно, всеобщие любимцы. Африканские животные, в том числе жирафы, — это же чудо, что они у нас прижились. И для меня всегда было удивительным поведение африканского льва. Как он переносит сибирскую зиму? Представьте, животное из страны с плюсовыми температурами в зимний день лежит на логовище весь в инее, но никуда не уходит. Оброс куржаком, но держится стойко. Мы с ним в одно время пришли в зоопарк, он, можно сказать, ровесник моей работы...

***

После интервью я всё-таки прогулялась по зоопарку. Пошла к своим любимым медведям, взяла в кюшеч горячего чая и села на скамеечке напротив белого медведя Седова. Я пила чай, Седов тоже что-то жевал. Так мы и смотрели друг на друга — человек и животное.

Елена НИКИТИНСКАЯ

Рисунки Ники ЕФАНОВОЙ (5 лет) и Веры ТУРТАКОВОЙ (7 лет)

Может быть, такое предложение поступило, потому что несколько раз мы с Петром Ивановичем выезжали за город, вели разговоры о природе, животных, о рыбалке... Я не мыслил себя без того, чтобы хотя бы раз в неделю не выехать в лес, на реку, ещё куда-нибудь. В общем, не жалею о том, что тогда согласился. Пришлось очень много читать, много ездить, общаться со специалистами. Я не пропускаю ни одной конференции. И сегодня могу разговаривать с любым специалистом нашего зоопарка на профессиональном языке.

— Испытывает ли парк трудности с кормлением животных?

— До всего доходим путём проб и ошибок. Есть животные, у которых очень сложные рационы. Вот вроде обыкновенный лось имеет очень непростой рацион. В его природном «меню» более 30 ядовитых растений, включая мухоморы. И ещё он питается исключительно молодыми побегами, у него основа — веточный корм. Мы очень долго подбирали ему рацион и, наконец, нашли оптимальное соотношение. Северный олень тоже очень сложно питается, микрофлора кишечника непростая — обязательно нужны лишайники, сухие грибы. Мы специально ездим в сторону Балхаты, собираем все эти лишайники, «висячки», грибы, сушим их... А самый простой рацион у волка — у него одно мясо и добавка, всего два компонента. Мы в кормлении даже детское питание используем — его едят некоторые обезьяны.

— А как обеспечиваете всё это питание?

— Мы достаточно много заготавливаем веточного корма, заключаем контракты на поставку сена, зелёной массы травы — чтобы косили и привозили нам; покупаем фуражное зерно, много овса. Очень много покупаем овощей, фруктов, рыбы. Мясо (в основном это конина) в месяц уходит около трёх тонн. Проблема в том, что мясо по ветеринарным нормам должно употребляться в сыром виде, и к нему очень высокие требования. Всего в рационах у животных более 100 наименований кормов и продуктов.

— Хорошо звери живут! Надо к вам в качестве постоянного пристроиться.

— Да (смеётся), у меня в холодильнике дома нет того, что есть у наших питомцев!

— Каких животных у вас можно купить?

— Мы не только декоративных животных продаём. Специально привозим такие виды, чтобы они нашли применение у населения. Это курицы — и мясного направления, и яйценоского. Гуси, утки, индюки. Поросят мы реализовали порядка 200 голов. Уток тысяч 10-12, тысячу гусей.

— А где вы их разводите, держите?

— У нас есть дополнительная территория. Отсюда буквально два километра, на нижней тер-

— Хорошо звери живут! Надо к вам в качестве постоянного пристроиться.

— Да (смеётся), у меня в холодильнике дома нет того, что есть у наших питомцев!

— Каких животных у вас можно купить?

— Мы не только декоративных животных продаём. Специально привозим такие виды, чтобы они нашли применение у населения. Это курицы — и мясного направления, и яйценоского. Гуси, утки, индюки. Поросят мы реализовали порядка 200 голов. Уток тысяч 10-12, тысячу гусей.

— А где вы их разводите, держите?

— У нас есть дополнительная территория. Отсюда буквально два километра, на нижней тер-

Автомобильные дороги Красноярска: факты, проблемы, перспективы

В минувшем 20 веке автомобильный транспорт на территории России развивался относительно медленно. Первый муниципальный автобус, рассчитанный на шестнадцать посадочных мест, появился в Красноярске в 1931 году; большинство горожан продолжало пользоваться гужевым транспортом, о чём свидетельствует создание в 1934 году специализированного треста. К началу 70-х количество автомобилей в Красноярске равнялось приблизительно 100 тысячам единиц, а уже к 2008 году город вошёл в тройку самых автомобилизированных населённых пунктов России (384 автомобиля на 1 тыс. человек), уступив первенство Владивостоку (там на каждую тысячу жителей приходится по 566 автомобилей).

Нынешнюю ситуацию в сфере транспорта можно без преувеличения назвать «автомобильным бумом»: по существующим ныне прогнозам учёных, объём перевозок пассажиров на автомобильном транспорте в Красноярском крае к 2012 году возрастёт на 160 процентов и составит 228 миллионов человек в год. Количество же автомобилей в городе, по данным УФНС Красноярского края, может увеличиться до полумиллиона.

Нетрудно догадаться, что рост автопарка приводит к увеличению интенсивности движения и не проходит бесследно для городских дорог. Охарактеризовать их нынешнее состояние и спрогнозировать дальнейшие тенденции развития мы попросили к.т.н., доцента кафедры автомобильных дорог и городских сооружений Инженерно-строительного института СФУ Вадима Вячеславовича СЕРВАТИНСКОГО.

— **Вадим Вячеславович, оцените, пожалуйста, качество дорог, предназначенных для движения автомобильного транспорта в Красноярске и его окрестностях.**

— Как преподаватель с достаточным педагогическим опытом, я бы поставил нашим дорогам слабую «четвёрку». Самое первое впечатление от дорожной сети города — неравномерность. Где-то (преимущественно в новых жилых районах типа Взлётки и Северного, на улицах, являющихся «воротами» Красноярска — Молокова, Калинина) дороги, скорее, радуют: соответствием качества дорожного покрытия возросшим нагрузкам, разметкой, удовлетворяющей нормам безопасности и правилам дорожного движения. На других участках города — чаще всего в исторических кварталах — дороги неважные: они формировались во времена, когда по улице проезжало десять машин в час, и, конечно, абсолютно не рассчитаны на нынешний транспортный поток.

Если до начала 90-х рост количества транспорта составлял порядка 10% в год, после 1998 года произошёл настоящий взрыв: прибавка впервые составила 200%. По факту это означало многотонную лавину, хлынувшую на технически неподготовленные магистрали. Результат известен: популярные в последние пару лет «народные» сюжеты об аварийном состоянии дорожного полотна в выпусках телевизионных новостей, водительские анекдоты, разжигающие тему «двух российских бед», ежегодный ямочный ремонт, превратившийся из временной меры в едва ли не единственный способ приведения дорог в надлежащий вид.

— **Получается, уровень развития городских дорог по-прежнему отстаёт от роста автомобилизации населения. В нашей стране существуют инновации, позволяющие сгладить этот диссонанс, оптимизировать качество существующей дорожной системы?**

— Разумеется. Дорога — сложный механизм, её функционирование зависит и от используемых при строительстве материалов, и от технологии укладки полотна, и от строительных машин, и, конечно же, от обслуживания готового сооружения. Российские материаловеды работают над усовершенствованием существующих асфальтобетонных смесей, разрабатывают новые полимербитумные мастики, позволяющие улучшить гидроизоляцию дорожного покрытия, составляют новые композиции солей для обработки проезжей части в холодный сезон. Предлагаются эффективные технологические решения: к примеру, хорошо зарекомендовала себя технология «Шаттл-Багги» (Shuttle Buggy), которая

позволяет повысить зерновую и температурную однородность асфальтобетонных смесей при укладке.

К сожалению, меры по улучшению качества дорог по-прежнему носят сегментарный характер, в то время как к дорожной отрасли явно требуется комплексный подход. Недостаточно улучшить материалы и технологии, необходимо модернизировать существующую нормативную базу, регламентирующую методы проектирования. Действующий ГОСТ был принят в 1997 году, методы проектирования вообще разрабатывались в середине 80-х.

Серьёзных доработок требует механизм финансирования строительных работ, который, к сожалению, далёк от совершенства. После утверждения бюджета данные только в январе-феврале приходят в Минтранс, в КруДор деньги поступают в марте-апреле. Торги проходят в июне, исполнитель определяется не раньше августа. Сроки сдачи объектов: октябрь — начало ноября. Вот и получается, что на процессы изыскания, заготовки материала и собственно строительства отводится непозволительно малый промежуток времени. Потому мы и наблюдаем на красноярских улицах рабо-

— **Ведутся ли на кафедре автомобильных дорог и городских сооружений исследования, представляющие практический интерес для дорожной отрасли города и края?**

— В 2004 году выпускниками А. Есиным, В. Бариновым, И. Ганом и С. Зайцевой была проделана масштабная работа в рамках дипломного проекта «Совершенствование транспортной схемы исторического центра города Красноярска». Студентам удалось проанализировать действовавшую кризисную схему движения, порождавшую многочасовые пробки, и разработать усовершенствованный вариант, предпочтительный для города по экологическим, строительным и потребительским параметрам.

Участие в защите принимали заместители губернатора края Виталий Бобров и Николай Глушков, начальник Управления автомобильных дорог по Красноярскому краю Сергей Зяблов, начальник департамента городского хозяйства администрации г. Красноярска Владимир Мурысин, генеральный директор управления «Красмостдоринж» Александр Ковригин, а также заместитель начальника УГИБДД ГУВД администрации края Николай Огер. Авторитетная комиссия рекомендовала проект к реализации (естественно, в качестве временной меры по «разгрузке» дорог исторического центра), специалисты Красноярскгражданпроекта разработали рабочую документацию; в результате схему движения транспорта действительно изменили, не затронув существовавшую схему дорог. Были реконструированы улицы Шахтёров, Партизана Железняка, Белинского. Реальность такова, что горожане по сей день пользуются «плодами» научной деятельности наших студентов.

В 2005 году на кафедре с той же целью проводились исследования проблемного и опасного с точки зрения автомобильного движения «узла» «проспект Свободный — ул. Красномосковская — ул. Калинина — ул. 2-я Брянская». К сожалению, реализация усовершенствованной схемы движения транспорта, предложенной нашими студентами, оказалась невозможна. Интересы дорожников зачастую антагонистичны интересам городского департамента строительства и архитектуры: то, что воспринимается нами как «большое место» в транспортной системе — потенциальная причина вездесущих пробок,

времени фиксировать ДТП. Проект был поддержан Госавтоинспекцией края, министерством промышленности, энергетики, транспорта и связи, управлением автомобильных дорог и доказал свою эффективность. Однако в настоящее время работа фотолабораторий заморожена в связи с недостатком финансирования.

Вообще же, исследования на кафедре ведутся по трём основным направлениям: прогнозированию надёжности работы искусственных сооружений, безопасности дорожного движения и по оптимизации геометрических элементов улицы (это позволяет обеспечить скоростные режимы транспортных потоков и улучшить экологические показатели на дороге).

— **Вы уже несколько раз упомянули экологическую составляющую строительства и функционирования дорог. Это следование модным тенденциям?**

— Это жизненная необходимость. Уверю, сохранить здоровье горожан — задача и дорожников в том числе.

Улучшив качество дорог в Красноярске, можно до 40% снизить уровень концентрации вредных веществ в атмосфере, а это очень ощутимо, поверьте. Мы уже обогнали Москву по количеству автомобилей на душу населения, теперь нужно сделать всё, чтобы город не превратился в газовую камеру из-за пробок и заторов.

— **Столичные дороги значительно отличаются от красноярских? Как обстоят дела в дорожной отрасли зарубежных стран?**

— Боюсь, представление о превосходном качестве московских дорог — всё же миф. Совершенно та же неоднородность, что и в нашем городе, гигантские пробки — даже метро не спасает. Что касается зарубежного опыта: наиболее близкими к России по климатическим условиям (а значит наиболее пригодными для сравнения) считаются северные штаты США и Канада.

чих, кладущих дорожное покрытие в дождь и слякоть, с нарушением технологии. Более того, не освоенные до конца средства не переходят на следующий год, а значит, заказчик пойдёт на многое, чтобы реализовать и не спровоцировать по отношению к себе государственные санкции.

К сожалению, экономический аспект не входит в компетенцию нашего института, но вот принять участие в создании новых норм для проектировщиков дорог края — реальная цель молодых учёных. Думаю, документы такого рода появятся в самое ближайшее время.

которую надо бы устранить, является одновременно выгодной территорией для застройщиков. И без того узкий для нынешнего потока автомобилей проспект Свободный оказался просто «зажат» высотными жилыми домами в районе путепровода и новым пешеходным переходом в районе остановки «Космос». Теперь транспортный «тромб» будет образовываться в этом месте города ежедневно.

В последние два года аспиранты и студенты кафедры работают над внедрением метода фотограмметрической съёмки, позволяющей грамотно, адекватно и с большой экономией

Там на дорожное полотно действуют «знакомые» деструктивные факторы: колебания температур и осадки достаточно быстро разрушают покрытие. Однако в этих странах высочайший уровень государственного контроля: специализированными органами проводится постоянный мониторинг состояния дорог, департаменты работают «на опережение» аварийных ситуаций, а не урегулируют их «по факту», как это принято у нас.

В некоторых европейских странах часть транспортных артерий — платная. Например, во Франции общая протяжённость автомобильных дорог с

твёрдым покрытием 950 тыс. км. Протяжённость сети суперхайвэев (аналога американской сети межштатных магистралей) — 9300 км, в том числе платных дорог 8000 км. Таким образом, во Франции, где сеть платных дорог считается самой мощной в мире, доля платных участков — 0,84%.

Введение транспортных пошлин на определённом участке дороги является, согласно зарубежным руководствам по автомобильным дорогам, «эффективным и самоокупаемым инструментом организации дорожного движения, выполняющим функцию оптимального распределения трафика по параллельным маршрутам».

Я полагаю, использование подобного опыта было бы полезно нашему обществу: в развитии и поддержке дорожной сети за счёт авто владельцев и в интересах оных есть несомненный смысл.

— **Каким образом регулируются отношения заказчика и исполнителя ремонтно-строительных работ в Красноярске?**

— К сожалению, по-прежнему не решён юридически вопрос авторского контроля над выполнением работ: чаще всего заказчик даёт заключение лишь по окончании строительства, а в самом процессе не участвует, а это чревато нарушениями технологии и увеличением сроков сдачи объекта. Остаётся надеяться, что поручение президента Д.А. Медведева будет исполнено в ближайшее время: тогда появится система долгосрочных контрактов, и исполнителя, выигравшего тендер, законодательно обяжут заниматься не только строительством дорог, но и содержанием их в течение 12 лет: ремонтировать, устанавливать знаки и т.д.

В настоящее время и краевое управление капитального строительства, и министерство жилищно-коммунального хозяйства в качестве заказчиков заинтересованы в высоком качестве услуг, предоставляемых исполнителем, но у них нет ни специализированных органов контроля, ни отработанной системы мониторинга, позволяющей «держать руку на пульсе» и предотвращать недобросовестные действия подрядчика.

— **Охарактеризуйте дороги краевого центра с позиции водителя. Какие их особенности больше всего задевают и удивляют (приятно или неприятно) лично вас?**

— Я стараюсь толерантно относиться к традиционным для нашего города проблемам: улицам, перекрытым в связи с очередным ямочным ремонтом, неудовлетворительному качеству покрытия примерно на 30% дорог, к разбитым «лежачим полицейским», которые не спешат убрать или заменить. В некоторых случаях могу закрыть глаза на некорректное размещение дорожных знаков и нерегулярно обновляемую полустёртую дорожную разметку. Самые негативные эмоции вызывает низкий уровень водительской культуры и хамство, процветающее на дорогах.

Приятно удивляет повышающаяся год от года гражданская активность пользователей сети городских дорог. У нас ещё не было показательных акций вроде той, что устроили жители Владивостока (там авто владельцы собрали 10 тыс. руб. и, закупив материалы и рабочее оборудование, сами заасфальтировали яму в дорожном покрытии).

Зато общественно-политическая организация «Красноярское региональное общественное движение авто владельцев» (КРОДА ФАР) в марте 2010 года предлагала красноярским автомобилистам поучаствовать в ямочном ремонте. Горожане могли предоставлять фотографии, фиксирующие некачественно отремонтированные участки дороги, контролировать избранный участок и, если там происходят необратимые изменения, сообщать куратору проекта. Разумеется, эффект от такого рода инициатив пока практически не ощущается, но сам факт заинтересованности красноярцев в качестве дорог, по которым они ежедневно ездят, не может не радовать.

Татьяна МОРДВИНОВА

Пётр Пимашков: «СФУ позволил городу

На последнем забеге «Стартуют все» один из участников сказал: десятки городов пытаются организовать что-то подобное у себя, деньги вкладывают, но ничего не получается. Потому что у них сам мэр не бежит. А наш — бежит. И мы как-то вслед за ним подстраиваемся.

Вот уже 14 лет Пётр Иванович ПИМАШКОВ является главой Красноярска. Он избирался на этот пост четыре раза, получая большой кредит доверия горожан (до 80 процентов голосов). За это время город очень изменился, так что люди, уехавшие отсюда лет 10 назад, попросту его не узнают. «Стал красивым», «У нас такого нет», «Везучие!» — такие отзывы слышали многие из нас от своих гостей. О Красноярске — сегодняшнем и завтрашнем — мы говорим с самим его Главой.

— Пётр Иванович, как-то по телевизору был репортаж, где рассказывалось, что каждое утро перед работой вы прогуливаетесь по улицам города. Это традиция?

— Да, всегда стараюсь с утра пройтись — по Мира или Маркса, в зависимости от того, что надо посмотреть. Или проезжаю по каким-то улицам, чтобы утром на аппаратном совещании сообщить ту информацию, о которой руководители департаментов ещё не догадываются. Стараюсь знать обстановку в городе, исходя из собственных наблюдений, а не только из того, что мне докладывают. Не для того, чтобы за всех сработать (ничего не получится, если нет команды, которой ты доверяешь, нет ответственных людей), а чтобы понимать слабые звенья в нашей работе.

— А что вас может возмутить? Мусор на наших улицах, вроде, в глаза не бросается.

— Бывает — и мусор, и факты вандализма, и незаконное строительство... Со всем этим приходится разбираться, порой даже уголовные дела заводить.

— Вы знаете расположение всех улиц Красноярска?

— У нас порядка восьмисот улиц, и я в них хорошо ориентируюсь. Более того, у меня такое чувство, что за тысячи встреч с людьми я не только улицы — многих жителей уже в лицо знаю. Приезжаю, скажем, в Новосибирск на какой-нибудь форум, где множество людей, и вдруг смотрю — о, красноярец. Сразу узнаю наших.

— Красноярск несколько раз признавался самым динамично развивающимся городом России. Скажите, из того, что при вас построено — что особенно дорого и любимое?

— Два года назад, когда к нам в Красноярск приезжал Лужков, он мне задал вопрос: сколько в Красноярске строится жилья? Я сказал — 0,96 кв.м. на жителя.

Он не поверил, поскольку в Москве строилось 0,56, почти вдвое меньше. При мне стал звонить своему заму, который накануне дал ему справку, что Москва строит больше любого города страны. И тому пришлось признать, что про Красноярск-то он забыл упомянуть и что здесь немного другая ситуация. По количеству построенного жилья в пересчёте на человека наш город действительно один из лидеров в России. Даже несмотря на кризис. А как мы этого добились? В 1996 году все службы, которые согласовывают строительство в городе, такого разрешения не давали: энергетики — потому что и без того не хватало тепла; водоканал — потому что не хватало коммуникаций и т.д. В интересах мэрии было — не строить, ведь каждый объект вызывал дополнительные проблемы. Зачем строить дом, где будет холодно, и жители постоянно окажутся недовольны? И мы поставили задачу: решить вопросы с тепло-снабжением, водоснабжением, канализацией, подъездными путями... Взяли все брошенные котельные (телевизионной, комбайнового завода — всего 36),

в городе появляются всё больше красочных домов. Правда, бывают и спорные случаи, которые вызывают вопросы у красноярцев. Но всё равно, я считаю, что город должен быть ярким.

Вообще, если вспоминать, с чего мы начинали — период тогда был очень сложный. Многие города пошли по пути того, чтобы хоть минимальные функции выполнять, решать самое насущное. А мы сразу выбрали другой вектор — да, надо поддерживать нормальную жизнедеятельность города, но и о перспективах нельзя забывать. В результате мы добились многого. Красноярск занял третье место в России по благоустройству, одержал победу в конкурсе на самый динамично развивающийся город страны. И это заслуга всех красноярцев.

— А какой сегодня наиболее развивающийся район или проект, с которым связаны лучшие перспективы города?

— Сегодня есть несколько проектов микрорайонов, даже не XXI, а, на мой взгляд, XXII века. Они уже представлялись на различных международных выставках. Строительство пла-

н очень значительные — больше 18 млрд рублей. Для муниципалитета сумма слишком велика, но в этом проекте нас поддерживают краевые и федеральные власти.

Очень надеемся мы и на окончание строительства метро. В этом заинтересован и губернатор, так что при его поддержке строительство, думаю, пойдёт

за три года восстановили их, увеличили мощность в два раза и подвели таким образом базу под строительство. Вот эти новые микрорайоны, которые мы сегодня строим, жильё совсем другого качества — предмет особой гордости.

— Я помню — был серый город, а теперь он стал разноцветным.

— Верно, но надо было ломать менталитет, и не одним днём это решалось. Помню, одно из первых поручений, которое я сделал, когда стал мэром, — перекрасить здание на углу Кирова и Мира, где «Гидропроект» располагался, из чёрного цвета в светлый. Потому что, действительно, серость угнетает. Сейчас

нируется в микрорайонах Покровский, Слобода весны, Красноярск-сити. Здесь будет жильё высокого качества, развитая инфраструктура — всё сделано для человека.

Но для того, чтобы город продолжал стремительно развиваться, необходимо решить ряд серьёзных инфраструктурных задач, в первую очередь связанных с дорогами. И один из важнейших проектов в этой сфере — строительство четвёртого моста через Енисей. Он необходим городу как воздух. Здесь будет непрерывное шестиполосное движение, мост будет пропускать 7 тысяч автомобилей в час. Конечно, средства на такое масштабное строительство нужны

значительно быстрее.

Также будем «замыкать кольцо» объездной дороги вокруг города, чтобы транзитные грузовики в Красноярск вообще не заходили. Есть и проекты новых транспортных средств — например, канатная дорога от Студенческого городка через Енисей на правый берег.

— Я до сих пор думала, что это чистая фантастика. Висеть на проволоке над Енисеем — это же страшно!

— Чисто технически сегодня это вполне осуществимо. Идея была как раз студенческая — один из проектов на Красноярском молодёжном форуме. А сейчас уже специалисты работают над этим проектом, так что

уверен, такой объект в городе появится.

— Перед встречей с вами у нас в редакции состоялось обсуждение развития города, достаточно острое. И вот, в частности, оказалось, что даже экспертам не совсем понятно, на что он живёт и развивается. Ведь не секрет, что большинство тех промышленных предприятий, которые создавали мощь Красноярска, закрылись, а те, что остались, стараются «оптимизировать налоги», т.е. платят их всё меньше. Откуда основные поступления в бюджет? На что живёт город?

— Очень важная составляющая бюджета — это строительство. Каждое рабочее место в этой сфере позволяет создать ещё как минимум шесть в смежных отраслях. Второе — промышленность. Как бы то ни было, у нас достаточно много серьёзных предприятий — это и алюминиевый завод, и завод цветных металлов, «Красмаш», завод холодильников «Бирюса». Пищевая промышленность активно развивается: на подходе строительство ещё одного завода по переработке молока, по переработке овощей...

Конечно, жаль, что где-то на определённом этапе некоторые заводы не смогли встроиться в новые экономические условия и закрылись. Например, шёлковый комбинат в своё время выпускал лучшие ткани в Советском Союзе, в Кремль их заказывали. Но не смог устоять. Зато те предприятия, что сохранились, на сегодняшний день работают на совершенно новом уровне. Например, водоканал. Был в тяжелейшей ситуации, а сегодня — стабильное предприятие. «Жилфонд» — как бы его ни критиковали, но за последние 3 года более полутора тысяч домов отремонтировали, таких темпов уже 50 лет не было. Критикуют пассажирский транспорт; но я помню, как когда-то приходилось добираться, скажем, с Калинина, где я жил, на комбайновый; я пуговицы на пальто по три раза в неделю пришивал, такая была давка в автобусах. Сегодня, безусловно, нам надо улучшить работу транспорта, но ведь это уже совсем другой уровень задач.

— В Красноярск как-то приезжала делегация иностранных архитекторов. Они были очарованы деревянными домами, которые ещё встречаются у нас даже в центре города: «такие только в Сибири и увидишь». Но ведь участь подобных домов в перспективе очевидна. А не рассматривался проект — создать квартал-музей типичной сибирской застройки? Как музей деревянного зодчества в Новгороде, в Кижях или в Шушенском...

— У нас порядка 200 домов, которые находятся под охраной как памятники культуры. Есть целевая программа до 2012 года по их реставрации, общий объём финансирования — более 900 миллионов рублей

Скульптурная композиция на Стрелке, установленная в честь русских первопроходцев в Сибири

шагнуть далеко вперёд»

Кампус Сибирского федерального университета — визитная карточка города

из краевого бюджета. Восстановление начнётся уже с этого года. В первую очередь будут отреставрированы Архиерейский дом (Горького, 27), контора Кузнецова (Мира, 24) и дом Севастьянова (Горького, 23). Можно ориентировочно выделить и целый квартал — это дома в районе Карла Маркса, Горького, Декабристов, Богграда. К сожалению, многие из зданий сейчас находятся в ветхом состоянии. Поэтому людей из них будем переселять, дома реставрировать и находить им новое применение — как культурным и социальным учреждениям. Думаю, это вдохнёт новую жизнь в исторический центр.

— **Одно дело — отреставрировать, другое — собрать их вместе, чтоб это выглядело как целостный комплекс...**

— На такие проекты есть две точки зрения. Одни говорят: да, хорошо, чтобы они стояли отдельно, и даже предлагают создать такую улицу на острове Татышев. Но есть и другой взгляд: когда мы что-то переносим, получается искусственно. Лучше находить возможность сохранить здание на старом месте, вписать его в современную городскую среду.

— **Что из увиденного в других городах вы бы хотели ввести у нас? Например, я слышала, что в Корее автобусные остановки — с подогревом; для Сибири это актуально. А в Турции наземные уличные переходы — с эскалаторами...**

— Главное, что я хотел бы перенести в наш город из других стран — чтобы все мы, красноярцы, понимали, что мы хозяева города. От каждого из нас зависит, чтобы город становился лучше. Давайте посмотрим на Европу: если там ты неправильно припарковался, то твой сосед, с которым ты вчера день рождения отмечал, сразу позвонит и сообщит об этом нарушении общественного порядка... Ни один берлинец не выбросит из окна своего «мерседеса» фантик, чех — не подожжёт пальму (кстати, идею украшать городские улицы экзотическими растениями пальмы я привёз как раз из Чехии, а там тоже зимой лежит снег). Никто спичку не бросит, хотя урн не больше, чем у нас. Во Франции их вообще убрали из-за угрозы терроризма, а мусора — нет. Вот на это я обращал внимание.

Если говорить о других замечаниях, то климатические условия накладывают на нас серьёзные ограничения. Например, новые правила обязывают ставить у пешеходных переходов лифты для инвалидов. Мы стараемся требования выполнять и уже построили два таких перехода. Но, к сожалению, в Сибири такие проекты получают гораздо дороже, чем в той же Турции, а главное — не выдерживают нашей погоды.

— **Красноярск два года назад получил звание «Лучший город СНГ» за эффективную социальную политику. Какие особые социальные программы позволили нам добиться этого результата?**

— Здравоохранение, образование, спорт и культура — сферы, требующие больших финансовых вложений. Из-за кризиса развитие этих направлений могло практически остановиться. Тем ценнее, что Красноярску удалось этой тенденции не поддаться. Мы выбрали такой подход — если уж строим, то на самом высоком уровне. Взять образование. У нас появилась

150-я средняя школа на улице Алексея, её называют «образовательным учреждением нового века». Школа искусств на Взлётке — единственная в Сибири, где учтены все требования, необходимые для занятий музыкой, танцами и живописью. Нынешним летом открылся специализированный регбийный стадион с полем международного класса — такого за Уралом нет больше нигде. В Советском районе появилась станция скорой медицинской помощи, специалисты говорят, что она лучшая в России. В декабре в Северном откроется детская поликлиника, где даже бассейн будет. Появится новый травмпункт на правом берегу. Вообще, в нашем городе множество объектов, о которых можно сказать: «единственный в России», «самый-самый».

— **Есть ещё такой проект**

ки детских садов — эта проблема остаётся, но всё равно мы стараемся если уж строить новый, то очень хороший. Нам говорят: можно бы и попроще, деньги сэкономим. Да, можно, но такое мы уже проходили. И сейчас за это расплачиваемся. То, что мы строим сегодня, будет стоять и сто лет. Хотелось бы, чтобы таких детских садов строилось в 5, в 10 раз больше, но на это нужны огромные средства, которых, к сожалению, пока нет.

— **Одно из ваших увлечений — велосипед. Но при этом в нашем городе, кроме как на Татышеве, покататься негде, нет инфраструктуры велодорожек. Нельзя ли это как-то изменить?**

— Действительно, Татышев в последние годы стал центром массовых занятий спортом. И мы делаем всё, чтобы улучшить

там инфраструктуру, строим велодорожки, сделали теннисные корты, площадку для летних оздоровительных зарядок, павильон для настольного тенниса, установили спортивные тренажёры. Недавно на острове Татышев я участвовал в велозаезде со своими коллегами и журналистами. И даже трасса в 30 километров не показалась тяжёлой, потому что качество дорожки очень хорошее.

Конечно, нужно развивать эту инфраструктуру и в других районах города. Есть проект создания большой дорожки, соединяющей Академгородок с Зелёной Рощей через остров Татышев. Для того чтобы реализовывать такие проекты, необходимо ломать сложившиеся традиции и стереотипы. Потому что жители на сегодняшний день не готовы, чтобы для этого сокращались

тротуары или проезжая часть. А других способов организовать велосипедное движение в центре города нет.

— **Что даёт вам основание быть спокойным за город, а что вас тревожит?**

— Я спокоен за то, что, на мой взгляд, мы выбрали верный вектор нашего движения — всё делать в интересах жителей. А волнует, прежде всего, безопасность людей. Жители города должны чувствовать себя спокойно в любом месте города и в любое время суток. И об экологической безопасности надо думать. Мы должны сделать всё от нас зависящее, чтобы заводы, которые пока ещё загрязняют город, во-первых, проводили соответствующие мероприятия по уменьшению воздействия на окружающую среду. А во-вторых — всё-таки выносились за городские пределы: графитовая фабрика, нефтебаза и т.д. Или транспорт — он даёт 34% загрязнения воздуха. Значит, надо переходить на экологически более чистое топливо, которое уже применяется в мире, а мы всё работаем на старых марках бензина. И, конечно, мы должны продолжать работу, чтобы сделать город действительно зелёным. Позади тот этап, когда высаживались прутики, и службы рапортовали: «в городе появилось 10 тысяч новых кустарников». По таким отчётам в Красноярске сплошная тайга должна быть. Но многие саженцы погибли. Сегодня мы высаживаем крупные деревья с комом, следим, чтобы они укоренились, росли. Вот лет через пять у нас на Татышеве появится самый большой за Уралом яблоневый сад. 15 тысяч саженцев уже прижилось...

— **Если мы говорим о перспективах — Сибирский федеральный университет может стать ядром будущего развития города?**

— Есть проекты, которые сразу повышают статус города, например, строительство метро или какого-то крупного предприятия. Появление СФУ в Красноярске позволило нам шагнуть не на одну, а сразу на несколько ступеней вперёд. С университетом мы связываем очень большие надежды — это молодёжь, это завтрашний день, самые последние технологии, взаимодействие с передовыми учебными центрами других стран... Такой вуз выводит город на новый уровень. Например, когда я был в Китае и общался со студентами, то был удивлён, что они уже знают о лучшем сибирском университете и собираются продолжать здесь образование.

Так что я считаю, СФУ будет не только научным и образовательным центром Красноярска, но и вообще источником для развития всех новых, важных процессов в самых разных сферах жизни города.

Также, говоря о перспективах, отмечу, что сейчас готовится программа социально-экономического развития Красноярска до 2020 года. Её проект размещён на сайте администрации, в обсуждение могут включиться все горожане. Завершающий этап слушаний пройдёт в октябре на Красноярском городском форуме. И надеюсь, что студенты и преподаватели СФУ тоже примут активное участие в обсуждении будущего нашего города.

Макет будущего микрорайона Красноярск-Сити

— **«Трудовой отряд главы города». Не только мамы, но и все горожане, думаю, с пониманием относятся к этой инициативе, хотя она, наверное, обходится бюджету в копейку...**

— Шесть тысяч детей за летний сезон проходят через эти отряды. И дети ведь там не просто зарабатывают деньги. Они встречаются, находят друзей, делают для города много хорошего. Подростки, которые получили этот опыт, бережнее относятся к городу — они сами об этом говорят. Это направление очень важное — от детей зависит наше будущее. На это денег не жалко.

— **Известно, что сегодня детские сады, школьные дворы благоустраиваются на конкурсной основе. Получила школа или садик грант — преобразилась. Нет — остаётся, какой была. А как быть родителям, которые только видят по телевизору продвинутые учреждения, где для детей созданы все-все условия, — а их ребёнок ходит в свой сад, где даже горок и освещенный зимой нет? Нельзя обустроить всё?**

— Всё сразу — к сожалению, невозможно, а постепенно — делаем. За последние годы в городе отремонтировано и создано более 2,5 тысяч дворовых детских площадок. Что касается нехватки

Мэр Красноярск — активный участник «Стартуют все»

Красное место

Когда я попыталась найти в Интернете перечень исторических памятников Красноярска, оказалось, что это не так-то просто. Не помогло ни «общество охраны» этих самых памятников (откровенно говоря, оно само никак не представлено в сети), ни портал городской администрации. Наконец мои поиски всё же увенчались успехом, и я просто «зависла» часа на три, не в силах оторваться от монитора. Таким редким, уникальным по собранному материалу и подробностям оказался этот виртуальный продукт: сайт «Красное мѣсто», www.krasplace.ru

С первого взгляда было ясно, что сайт — «живой». Видны обновления и то, что пока в разработке. Представлены параллельные проекты. Ведётся доброзачетливая переписка. И за всем этим один человек — автор Марина ТЕРЕШКОВА. Поразмыслив, я тоже отправила свой запрос: а не поделитесь ли вы секретом, чего стоит такая культурная и профессиональная работа? Ответ пришёл довольно скоро: легко. Всё, что выяснилось следом за этим, — перед вами.

— **Марина, кто вы по образованию? В Интернете у вас есть ещё один сайт, и он посвящён урокам рисования. Вы дизайнер, художник, программист или историк? И что к чему приключалось?**

— Я закончила Политехнический университет в Липецке, а рисую всю жизнь. Художественная школа, несколько персональных выставок. Очень тяжело определиться, кто я по роду занятий. История всегда была моим любимым предметом и шла параллельно с рисованием. Некоторое время я работала в школе учителем рисования и черчения, вела ИЗОстудию. Сайт по рисованию, наверное, — это память о том времени. Среди детей, да и взрослых тоже, есть много искренне желающих научиться рисовать, хотя бы для себя.

— **Как возникла идея сделать сайт о Красноярске — вам тоже однажды не хватило информации в Интернете?**

— В Красноярск я приехала вслед за мужем, как декабристка. Он родился в этом городе. Мне так понравились старые красноярские дома, что захотелось выяснить, что здесь было раньше, кто владел домом, кто был его архитектором и т.д. Помню, как первыми поразили меня «Детский мир» и Литературный музей. Но те коренные красноярцы, у кого я спрашивала, совсем ничего не могли об этих зданиях рассказать, кроме каких-то невнятных сведений. Потом сыну задали реферат по истории Красноярска, а я взялась ему помогать (точнее — делать вместо него).

Сначала, конечно, занимаясь поисками в Интернете, но информация там оказалась очень запутанная. Вот, скажем, что выдаёт Яндекс на запрос «Вера Гадалова Красноярск»: «Дом построил купец Н.Н. Гадалов и подарил своей дочери Вере Николаевне Гадаловой». Вообще-то понятно, чем руководствовался автор, делая этот вывод. Только вот девичья фамилия Веры Николаевны была Яковлева, а дом построил её муж Пётр Гадалов.

Чтобы понять, кто-кому-кем приходится, я для себя попыталась построить генеалогическое дерево Гадаловых — в нём получилось 83 человека. Та же ситуация по Кузнецовым, Даниловым и др. (а своих родственников я знаю до 1863 года, в моём семейном древе около 200 человек.) Поиск в Интернете, я поняла, что нет сайта, где бы можно было и историю зданий, и историю людей, в них живших, почитать, и фотографии посмотреть. Попадались или сайты исключительно текстовые, или только с фотографиями. Кое-как на реферат я информации насобирала, кажется, даже на «пятёрку». А летом в Минусинске мне попались почтовые открытки с видами города столетней давности, и родственники взяли мне показать, как выглядят эти же дома и улицы теперь, через сто лет. Я была поражена. Вернувшись в Красноярск, я сделала несколько коллажей из старых и совре-

менных фотографий Минусинска, они так всем понравились, что я решила поискать в Интернете другие старые почтовые открытки. Так и попала на сайт библиотеки конгресса США, где нашла фотографии Красноярска, Енисейска, Томска и массу других. Плюс к тому времени я уже втянулась читать газеты столетней давности. Дальше, как из пазлов, сложилась такая картинка:

>> у меня есть «газетные старости» с описанием событий в Енисейской губернии;

>> у меня теперь есть фотографии домов, улиц, людей того времени;

>> часть этих домов ещё существует и в Красноярске, и в Канске, и в Минусинске;

>> поскольку я живу в Красноярске, всё это находится от меня в пределах досягаемости;

>> есть аудитория, которой, судя по комментариям на форумах, всё это будет интересно;

>> новое поколение не любит читать «много букафф» — так пусть смотрит историю с картинками;

>> рефераты по истории родителям продолжают задавать.

место событий, брать консультации у экспертов? Вообще — консультирует ли вас кто-то, можно ли доверять информации как исторической справке?

— Конечно, сайт не претендует на истину в последней инстанции, и я вполне допускаю, что в статьях есть ошибки. Но я стараюсь ошибок не допускать или сразу их исправлять, если нахожу более достоверную информацию. Иногда сами читатели меня поправляют, особенно, если это касается их родственников. В конце каждой статьи стоит отметка, когда она была исправлена, и есть темы с десятком исправлений после публикации. История — наука не точная, иногда один вновь найденный документ может полностью перевернуть всю статью.

«Расследования» проводят через Интернет не получается. Мне просто очень интересно рассматривать старые фотографии и сравнивать их с современностью. Нравится наблюдать, как вписывается старый дом в современность, сохраняя свою самобытность. Прежде чем выпустить статью, обязательно еду к описываемому дому, фото-

сейчас на этом месте, например, построен дом.

— **Из фотографий, помещённых на сайте, многие здания смутно узнаёшь — вроде бы проходил мимо, но не отметил как памятник, не знаешь, что с этим местом связано... Вы бы могли провести экскурсию по Красноярску?**

— Думаю, речь может идти только об экскурсии виртуальной, потому что даже центр города Красноярска — совсем маленький, и пройти от дома Дмитриева по Благовещенской до Старобазарной площади, а затем вернуться назад по Большой улице до Пляц-Парадной площади и уже по Узенькой улице к Гостиному двору — это почтай вёрст десять, «извозчика надо брать».

«— Извозчик, какая у вас тут главная и лучшая улица?»

— Большая.

— **Почему же у вас нет дощечки с надписью?**

— **Нам это ни к чему. Всякому видно, что улица длинная и широкая — стало быть, Большая. А вот проулок, здесь стоит церковь Покрова, так его все и зовут — Покровский**

Дом губернатора:
вчера и сегодня

графую его с разных сторон. Пытаюсь, конечно, «прорваться» внутрь, чтобы сфотографировать внутренний интерьер, но мои попытки не всегда находят понимание. «Вахтёр — это состояние души».

Ещё в библиотеках пытаюсь найти информацию о доме и о тех, кто его построил и в нём жил. Сайт же не только архитектурный, меня больше интересует связь дома с судьбами людей. Часто обращаюсь к различным экспертам. Неоценимую помощь мне оказывает зав. лабораторией архитектурного наследия СФУ Екатерина Гевель. А такие люди, как Юлия Шубникова, заведующая отделом редких книг Краевой библиотеки, или Елена Ковалёва из библиотеки им. Горького — так это просто ходячие энциклопедии. В самих библиотеках хранится огромное количество интересной информации по краеведению, первоисточники, старые газеты, отчёты разных обществ. А музеи! На сайте есть список музеев Красноярска, так их по городу очень много, даже в тюрьме есть свой музей.

— **Дизайн сайта выполнен с большим вкусом, мерой. Есть ли у этого стиля название (ретро, под старину?), какие использованы находки? И неужели это делает один человек? Ведь даже обработка фотографий, когда из современного дома просвечивает его прежний вид, занимает немало времени.**

— Сайт создавал муж Дмитрий по моему заказу. Он программист, а я художник. Вот и заказала ему стилизацию под старую фотографию, поэтому, наверное, и стиль можно назвать «винтаж». Вся техническая сторона сайта лежит на муже, я вообще плохо понимаю, как там внутри что работает. А я хожу по архивам, музеям, библиотекам, делаю запросы и разбираю ответы. Одним словом, как старатель — «мою золото». А обработка фотографий на самом деле не так сложна, особенно если удаётся сделать фотографию с той же точки, с которой снимал это место фотограф сто лет назад. Но часто эта точка бывает недоступна, потому что

графую его с разных сторон. Пытаюсь, конечно, «прорваться» внутрь, чтобы сфотографировать внутренний интерьер, но мои попытки не всегда находят понимание. «Вахтёр — это состояние души».

Ещё в библиотеках пытаюсь найти информацию о доме и о тех, кто его построил и в нём жил. Сайт же не только архитектурный, меня больше интересует связь дома с судьбами людей. Часто обращаюсь к различным экспертам. Неоценимую помощь мне оказывает зав. лабораторией архитектурного наследия СФУ Екатерина Гевель. А такие люди, как Юлия Шубникова, заведующая отделом редких книг Краевой библиотеки, или Елена Ковалёва из библиотеки им. Горького — так это просто ходячие энциклопедии. В самих библиотеках хранится огромное количество интересной информации по краеведению, первоисточники, старые газеты, отчёты разных обществ. А музеи! На сайте есть список музеев Красноярска, так их по городу очень много, даже в тюрьме есть свой музей.

— **Дизайн сайта выполнен с большим вкусом, мерой. Есть ли у этого стиля название (ретро, под старину?), какие использованы находки? И неужели это делает один человек? Ведь даже обработка фотографий, когда из современного дома просвечивает его прежний вид, занимает немало времени.**

— Сайт создавал муж Дмитрий по моему заказу. Он программист, а я художник. Вот и заказала ему стилизацию под старую фотографию, поэтому, наверное, и стиль можно назвать «винтаж». Вся техническая сторона сайта лежит на муже, я вообще плохо понимаю, как там внутри что работает. А я хожу по архивам, музеям, библиотекам, делаю запросы и разбираю ответы. Одним словом, как старатель — «мою золото». А обработка фотографий на самом деле не так сложна, особенно если удаётся сделать фотографию с той же точки, с которой снимал это место фотограф сто лет назад. Но часто эта точка бывает недоступна, потому что

проулок. Следующий проулок — Больничный, потому что больница там стоит. У нас всё так, попросту, без затей» (Б. Л. А. «Восточное обозрение», 29 июля 1890 года).

Самая первая виртуальная экскурсия по Красноярску состоялась ещё в 1911 году, когда был издан «Спутник по городу Красноярску» — небольшая книжечка об истории города, его людях и достопримечательностях. А из меня пока экскурсовод неважный. Я вот сама постоянно посматриваю в книгу Г. Ульянова «Прогулки по Красноярску», изданную в 2001 году.

— **Как и в других российских городах, многие исторические памятники у нас утрачены. Что вам особенно жалко? Или вы не из тех людей, кто жалеет о прошлом и не любит настоящего?**

— Ну, я не отношу себя к людям, которые не любят современность. У меня два сына учатся в СФУ — они будущие строители. Но история своего города — это же необыкновенно интересно. Попробуйте пройти по улице Мира и представить, что раньше к этому, например, подъезду подъезжал экипаж, а вот на этом балконе стояли красавицы в кринолинах...

Многие памятники уже не вернуть, и досадно, когда замечательное настоящее безжалостно съедает прошлое. Взять, например, дом губернатора, который теперь проглочен зданием «Ванкорнефть». У меня, глядя на него, возникают ассоциации со слоном в удаве из «Маленького принца». Жалко все утраченные памятники — и флигели во дворе дома Чернышева, и деревянное здание Железнодорожного собрания, и необыкновенно красивое здание кинотеатра «Художественный», которое сейчас уже почти уничтожили переделками.

— **Вам уже задавали вопрос — почему сайт ограничивается историей до 20-х годов XX века?**

— Я всё время пытаюсь подойти к послереволюционной истории Сибири, и всё как-то не получается. Добро всегда побеждает зло, поэтому — кто победил, тот и добрый. Вот и уничтожены «по доброте» исто-

рические материалы, не совпадавшие с партийным взглядом на историю. Если дореволюционная жизнь в Красноярске размеренная, иллюстрированная и документированная, а в газетах обсуждаются решения городской думы о бюджете города и строительстве, то после 1925 года уже ничего не обсуждают, газеты просто информируют о принятом решении построить, снести или ... расстрелять. Точка зрения единственная, почему принято конкретное решение или выбрано определённое место для стройки — неизвестно.

— **Кроме истории Красноярска у вас есть небольшие сюжеты о Томске, Омске, Минусинске... Это создаёт контекст и расширяет внимательное отношение вообще к окружающему миру, а не только к месту, где ты живёшь. Скажите, а вам не показалось, что в этих городах другое отношение к истории, к историческим памятникам?**

— К сожалению, отношение к историческим памятникам сегодня определяется суммой в городском бюджете. Сумский пример: в доме Мозголевского в Минусинске, историческом памятнике, которому под сто пятьдесят лет, взяли и поставили пластиковые окна. Я понимаю: да, деревянные рамы дороже и отапливать плохо утеплённое здание дорого. Но, ребята, это же памятник! Вообще, мне кажется, чем меньше город, тем меньше денег выделяется на охрану памятников и тем хуже их состояние.

— **Я плохо представляю схему регистрации и поддержки сайтов: это затратно или приносит дивиденды (моральные)?**

— Сайт дохода не приносит. Как любое хобби, он полностью затратный. Зато приносит моральное удовлетворение, особенно когда удаётся «раскопать» что-нибудь интересное (факт чьей-то биографии или жизни города) — заряд радости надолго! Это нельзя измерить деньгами. Помните, как в мультике про говорящую рыбу: «Делай добро и бросай его в воду».

Я с таким удовольствием читала в Краевой библиотеке документы о процессе обучения в женском Епархиальном училище, где, например, у учениц были следующие темы сочинений: «Можно ли жить без надежды?», «Почему можно думать, что Лже-Дмитрий дурачок в своё царственное происхождение?»... Этим просто нельзя не поделиться.

— **Из захватившего прошлого, наверное, не очень шагает в будущее. И всё же — что бы вы пожелали Красноярску?**

— Мне много чего хотелось бы пожелать:

>> чтобы подрастающее поколение интересовалось историей вокруг себя;

>> чтобы музеи и библиотеки публиковали материалы из своих фондов, иначе получается парадоксальная ситуация — книги 150-летней давности и в руки не дают (потому что они ветхие), и сами их не оцифровывают;

>> чтобы фотографии и книги, связанные с историей Енисейской губернии, проще было найти на красноярских, а не на американских или канадских сайтах;

>> чтобы краеведческие и родо-родоведческие клубы выкладывали в Интернет результаты своих исследований.

Без прошлого не будет будущего. Это так замечательно — видеть, как меняется облик города, появляются новые здания, больше и выше старых, возникают новые стили и направления. Но хотелось бы, чтобы за современностью, простотой и удобством не терялось то прекрасное, что создавали люди в прошлом. Это как картины старых мастеров — сегодня рисуют по-своему, но смотреть на классику всегда приятно, и есть чему поучиться.

Елена НИКОЛАЕВА

P.S. В 2006 году на сайте Красноярского госуниверситета была размещена википедия по истории города. Предлагались фотографии старого Красноярска и требовалось определить, какое именно современное место на них запечатлено. Это говорит о том, что интерес к таким изысканиям возникает и у отдельных горожан, и у целых организаций. А посмотрев результаты проекта «Узнай свой город» можно и сегодня — по адресу lan.krasu.ru/projects/oldcity

Те, кому делегирована любовь

Казалось бы, все мы, жители города, имеем равные права рассуждать о том, что в нём надо улучшить и как это надо сделать. Но есть люди, которые не просто рассуждают, а систематически городские проблемы решают, тратя своё личное время, силы и не получая за это никакой зарплаты. Это – депутаты городского совета, у двух из которых (выборка случайна) мы решили просто узнать: что для них город, в котором они почти профессиональные горожане.

Новосибирск пока нам проигрывает

Татьяна КАЗАНОВА, директор средней школы № 10

Впервые в Красноярск я попала лет в 13, с группой активистов нас отправили на комсомольский слёт. Летели из Ужура, и это был кошмар! Мой первый полёт на самолёте – маленьком, типа кукурузника, собравшем все воздушные ямы – произвёл, конечно, неизгладимое впечатление. Правда, потом, уже в городе, испытала примерно то же, прокатившись подраяд на нескольких аттракционах в Центральном парке.

Город в то время был совсем другим: на набережной в районе театра оперы и балета размещался пляж, по берегу – жилые деревянные домики, а выше – трамвайная остановка. Здание администрации города ещё не построили, и на том месте был просто холм, с которого отлично просматривались окрестности.

Конечно, после окончания школы я приехала поступать в Красноярск. Очень хотела попасть на юридический факультет университета, тогда как раз был первый набор. Однако не сложилось – взяли 25 парней, принимавших участие в пограничном конфликте на о. Даманском, и практически никто из выпускников школы тогда не поступил – конкурс был очень высокий, мне не хватило балла. Но с этими результатами меня зачислили в пединститут на историко-филологический факультет.

Атмосфера Красноярска для меня – это какая-то совершенно необыкновенная щедрость, мощь и сила природы, которая окружает город. Мы привыкли к ней, не всегда замечаем, воспринимаем, как должное, всю эту красоту, она остаётся за кадром постоянного восприятия, как декорация.

У меня щемяще-нежное чувство к центральной части города. Здесь я училась, работаю, живу, вся моя жизнь связана именно с ней. Для меня это – как продолжение квартиры, настолько комфортно и уютно ощущаю себя в родном Центральном районе. Постоянно открываю что-то новое. Недавно обнаружила на перекрёстке улиц Ленина и Диктатуры пролетариата настоящий кусочек Парижа – абсолютно та же архитектура.

Вообще, на мой взгляд, у Красноярска с Парижем много общего. Только наш город лучше, а вокруг французской столицы слишком много мифов. По крайней мере, о том, что Красноярск гораздо привлекательнее и изысканнее парижанок, я слышала от многих. Особенно наши работающие женщины – они всегда как на празднике, любую работу с радостью на мероприятии пригласить, и она готова достойно представлять свой свою организацию, хоть всю страну, в грязь лицом не ударит. Часто, гуляя, просто люблюсь на наших красивых женщин.

Очень люблю нашу набережную. Именно тут можно собрать коллективный портрет города, это место притягивает самых разных людей. Особенно когда приходят первые тёплые дни, и газоны просто усыяны молодёжью: кто-то целуется, кто-то песни поёт, кто-то просто общается большой компанией – жизнь во всех проявлениях, её средоточие, органичное единение человека с природой. За столько лет прогулок появились друзья и знакомые, но при этом знакомцы: например, есть мужчина, который часто занимается спортом прямо на газоне.

А зимой люблю просто,

даже быстрым шагом, гулять по Мира – от начала до конца: когда иллюминация, деревья в разноцветных огнях, ощущение праздника, кипучая круглосуточная жизнь главной улицы города.

Город в последние годы очень разросся, особенно в части Советского района, однажды села не в тот автобус и... заблудилась! Позвонила дочери, описывала места, которые мы проезжали, пытаюсь понять, где нахожусь. Была потрясена масштабами строительства, новыми районами, просто замечательно, что дома все такие необычные, красивые, все со своим лицом, колоритом, какими-то необычными дворами.

С другой стороны, невооружённым взглядом видно, что Красноярск задыхается, ему не хватает парков, скверов. Хорошо, конечно, что современная городская политика оставляет место для зелёных зон, в этом году вот два парка открыли, но пока этого недостаточно. Очень тревожит загрязнение воздуха. Несмотря на то, что предприятий у нас немного, и на всех – тут уже как член горсовета, бывающий на разного рода комиссиях, могу судить – действуют программы по обеспечению экологической безопасности, по очистке воздуха, но всё же в безветренную погоду над городом стоит удручающий смог.

Наконец-то что-то сдвинулось у нас в Покровке! Впервые меня избрали депутатом в 23 года, и как раз от Покровки. Столько лет прошло, а я всё ждала и надеялась – когда-то же должны позитивные изменения в этом районе начаться! И вот строится новый микрорайон замечательный – Покровский. Это лишь первый шаг, планы по

дальнейшей перестройке в целом серьёзные – с учётом инфраструктуры, со строительством социальных учреждений. Многие жители уже сейчас попали в программу «Ветхое жильё» и смогли переехать в новые квартиры. У нас в школе учительница недавно справила новоселье – и невозможно оставаться равнодушной, когда видишь эту необыкновенную радость человека, который даже и не смел надеяться, что сможет получить квартиру в новостройке.

Не представляю себя вне Красноярска. Никогда не хотелось уехать отсюда. Бывает, сильно устанешь, и тебя тянет вырваться из плотного рабочего графика, отдохнуть и набраться новых впечатлений. Но при условии, что обязательно вернёшься обратно.

Часто сетуют на сложный сибирский климат, а мне он нравится! Своё собственное резкое-континентальное климату контрастные яркие переходы от одного времени года к другому, краски необыкновенных оттенков – они же просто помогают острее жизнь ощущать. На юге я начинаю быстро скучать: всё время солнце, жарко, одно и то же каждый день, а у нас – всегда в тонуше, потому что никто не знает, что будет завтра.

Появившиеся в последние годы скульптуры на улицах города – явное европейское влияние. На Монмартре скульптуры очень похожие, практически такие же по размеру, из тех же материалов. Но, честно говоря, меня они особенно не трогают, меня всегда их мысль понятна...

Со всем другим – памятники. Для меня памятник –

от слова память. Они должны напоминать о наших великих земляках, которые прославили город. А красноярцы – должны знать, кто эти люди. Поздеева иногда просто жалко: многие и не подозревают, кто этот дядька с зонтиком... Ни картин его не видели, ни истории не знают... А вот Луке Войно-Ясенецкому памятник, считаю, стоит в нужном месте, и вряд ли есть кто-то, кто не знает, сколько этот человек сделал для Красноярска.

У нас очень сильны традиции. Пусть многие из них появились не так давно, но очень органично вошли в жизнь горожан. В первую очередь, конечно, – спортивная. Это и «Стартуют все!», и зарядки для горожан, велотрасса, которая появилась на о. Татышев. Затем – проведение в нашем городе социальных форумов, где могут принимать участие буквально все, от школьников до известных политиков. И, конечно, дни города! Это тоже нас отличает от других городов. Прекрасно, что подход к празднованию довольно гибкий: есть средства – отмечаем с размахом, нет – значит, придумаем, как сделать всё по-кромнее, но не лишим горожан привычного праздника. Замечательная традиция – вручение премии главы города ученикам, студентам, аспирантам, преподавателям, она, может, не настолько зрелищная, но поддержка талантливых людей – это необыкновенно важно.

Давний спор о том, какой всё же город является столицей Сибири – Новосибирск или Красноярск, по-моему, наши соседи проигрывают – СФУ всё-таки у нас.

Провинциалы уехали в столицу

Пётр КОНСТАНТИНОВ, старший преподаватель Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений

Это мой город. Я родился здесь, в метрике записано: «Место рождения: г. Красноярск, проспект им. И. Сталина» – сегодняшний проспект Мира. Правда, через несколько лет пришлось уехать: как сын строителя я довольно много путешествовал по стране, вслед за советскими стройками. Родители и познакомились-то на строительстве КраЗа, промышленный объект стал для них романтическим.

Всегда любил возвращаться в Красноярск – здесь оставались друзья, только здесь я чувствовал себя дома. Куда же меня ни заносило – Прибалтика, Украина, Германия, Япония – ловил себя на том, что подосознательно сравниваю все города с Красноярском, он был и остаётся основным мерилом.

Город меняется с невероятной скоростью. Конечно, для тех, кто живёт здесь постоянно, это не так заметно, но после долгой разлуки бросается в глаза. В 1998 г. я уже совсем вернулся в Красноярск и не узнал его. Чувствовал, что город родной, но тех мест, где я вырос, уже не было: вместо моего барака в посёлке Энергетиков стояла новая высотка, набережная совершенно преобразилась. Узнавание происходило постепенно, как на переводной картинке, проявлялись знакомые места, и в новом Красноярске я видел свой детство и юность...

Красноярцы отличаются. Может, то, что наш город стоит практически в центре России, накладывает отпечаток на характеры его жителей? Здесь не найдёшь крайностей: южной холеричности, северно-европейского пофигизма, восточной

закрытости. Наш сибирский менталитет – это основательность, генетически передающаяся из поколения в поколение обязательность в выполнении обещаний, чувство долга, ответственность, умение анализировать ситуацию. Хотелось бы это сохранить.

Красноярск находится на очень интересном этапе развития – он становится студенческим городом. У нас сегодня уже 120 000 студентов, плюс преподаватели, – почти пятая часть горожан. Подобные изменения в составе населения, как правило, меняют динамику развития, ускоряют процессы, а с другой стороны, усиливают элементы старой культуры, поскольку изначально высшая школа настроена на поддержание культурных традиций.

Сегодняшний Красноярск – развивающийся, ищущий своё место в современном мире. На мой взгляд, в городе должны появляться услуги, которые ориентированы на молодёжь, студентов – те группы, которые сегодня определяют и культурный уровень города, и его культурную самобытность. Сегодняшняя ориентация сферы быта на группы населения с высоким уровнем дохода просто исключает молодёжь из экономики города. Как минимум, в ближайшее время должны появиться магазины, которые бы торговали стильной, качественной и недорогой одеждой.

Одной из важнейших проблем на данный момент, по-моему, является соединение интересов студентов и лицензиатов транспортных маршрутов. Слышу много жалоб от студентов на организацию маршрутных

перевозок, которые сейчас построены под коммерческую перевозку и получение прибыли, а хотелось бы, чтобы здесь был найден компромисс в пользу тех, кто сегодня формирует городской бюджет.

Метро жизненно необходимо городу! Оно динамично меняет жизнь и инфраструктуру мегаполиса – приближает окраины, делает более мобильными людей, узловые станции превращаются в своеобразные гайд-парки. И это не только решение социальных вопросов транспортной перегруженности, это инвестиционный проект, создание колоссального количества рабочих мест, причём высокотехнологичных – в области энергетики, сферы обслуживания, управления транспортом, ремонта и т.д. При благоприятных условиях первая станция должна была появиться ещё лет пять назад. Сейчас дать точный прогноз, когда у нас всё-таки появится метро, никто не рискнёт.

Темпы промышленного и жилищного строительства в большинстве городов европейской части России сделали их близкими, и счастье Красноярска, что он сохранил своё лицо. Конечно, чем ближе к окраинам, тем больше типовых застроек, и, может быть, сейчас, в эпоху экономического развития, бизнес может тратить больше денег, инвестируя не только в коммерческую ценность, но исходя и из историко-архитектурной ценности объектов. У нас есть много достойных интересных зданий, историю которых мы знаем, но есть и такие, на которые архитекторы не спешат повесить табличку со своим именем – стыдно.

Я люблю и принимаю

Красноярск таким, какой он есть, со всеми проблемами, плюсами и минусами. От того, что по утрам нам часто приходится стоять в пробках, мы не любим свой город меньше. Проблема транспортной перегруженности досталась нам в наследство от советских проектировщиков транспортной развязки – тогда ведь не рассчитывали на столь мощный автомобильный поток. Дороги в новых районах города строятся с учётом современных градостроительных правил. Уже принято решение о строительстве нового, четвёртого моста, который разгрузит центр, но до этого времени нужно терпеть и искать способы разгрузки наших улиц не только с помощью городских властей, но и себя самих – если каждый водитель будет корректен и внимателен по отношению к другим участникам движения, многих проблем на наших дорогах просто не будет. Чаще спрашивайте у себя: так ли я припарковался, там ли, не мешаю ли другим, не повреждаю ли я налево из правого ряда (что у нас часто можно увидеть – два ряда машин стоят и ждут «героя», которого осенило вдруг повернуть). Есть же известная поговорка: «Меня жизнь, начни с себя».

Не хотелось бы, чтобы отсюда уезжали люди. Или хотя бы пусть возвращаются, набравшись где-то опыта. Красноярск выделяется из общего списка городов целым рядом символических вещей: это и город на самой большой реке, и главный город края, отмеченного таинственным Тунгусским метеоритом, город на самых молодых горах, в конце концов – это географический центр России. Это город, в котором хочется жить. Нужно, чтобы талантливых людей, которые переросли уровень города (таких как Хворостовский, например), тянуло всё-таки в него вернуться, создавать для них комфортные условия.

Какая же это провинция!? На мой взгляд, комплекс провинциала порождён теми, кто уехал в столицу, и со временем просто утратил чувство малой родины, для них мерилом провинции стал уровень комфорта. Чуть ниже, чем в Москве – всё, клеймим провинцией. Но это смешно: по темпам роста, по уровню карьерных возможностей, состоянию экологии Красноярска, на мой взгляд, в гораздо лучших условиях.

С депутатами общалась Александра КАЗАНЦЕВА

Гений вне контекста

Творческий человек в пространстве и во времени

В этом году красноярский дизайнер Николай ИВАНЕНКО получил самую авторитетную европейскую премию «reddot design award» (кстати, он стал всего лишь третьим россиянином в истории престижного конкурса)... А главному редактору телевизионной программы «Детали» Илье СУРАЕВУ приз «Золото СТС» вручили в Москве — работу красноярского коллектива «Детали» признали лучшей в стране. Мы захотели, чтобы два красноярца с именем поговорили о... городе. Илья Сураев согласился выступить в роли корреспондента СФ. Предлагаем вашему вниманию разговор, состоявшийся во время прогулки по проспекту Мира. Порядок чтения частей — не имеет значения.

Часть первая

— Иваненко и Красноярск — две вещи совместные? На ваш взгляд, Красноярск — город комфортный?

— Начну с другого: Красноярск — один из красивейших городов мира. Если не говорить о нём как о городе домов. Недавно у меня спрашивали — «Красивый город Красноярск?». Я ответил, что красоту городу задаёт скелет. А скелетом у нас является Енисей, мощные, красивые, похожие (по мнению Чехова) на швейцарские, горы. Всё это подкреплено двумя красивейшими мостами — Коммунальным и Железнодорожным. У нас однозначно очень сильные несколько архитектурных зон, например, Стрелка, и очень интересная набережная. Всё остальное — это рюшки. Если человек любит смотреть на рюшки, он может не увидеть камзола. Я люблю смотреть на камзол. Камзол у города — потрясающий. Потом, у нас наконец стали появляться сами по себе интересные отдельные здания. Как то — недавно появившийся центр «Европа». С моей точки зрения, это первое за последние 16 лет сооружение, которое отсылает к понятию архитектуры. Что такое архитектура? Это когда человек подошёл, посмотрел вверх, шапка у него упала, и он обалдел.

— Но ведь это здание «утюгом» из числа ещё советских староделов?

— Не знаю. Насколько мне известно, это Демирханова работа. В общем, город у нас комфортный. Другое дело, что его не могут никак транспортно организовать. Но это уже другая тема.

— Так тема комфорта мне и интересна. Я наблюдал в том же Питере или Москве количество элементарных табличек-указателей на улицах — у нас с этим гораздо лучше. Опять же идея с историческими названиями улиц на домах — хорошая.

— У нас есть ещё одно достижение. Это не издёвка и не пост-модернистская шутка! У нас есть действительно потрясающая вещь — мэтр-мечтатель. К примеру, можно спорить о качестве или оформлении фонтанов, но их обилие, их количество!

— А цветочный пегух? Ну, прекрасно же!

— Даже эта сакура сумасшедшая (если бы её убирали на лето) зимой выглядит вполне, когда наш город тёмный, очень даже неплохо. Если бы это обыгрывать правильно. А пальмы, туй? — Конечно, есть о чём рассказать соседям. Но меня несколько пугает, что у нас всего много, всего с избытком. Взять проспект Мира: одновременно сакуры, цветочные клумбы и огромное количество часов. Это потому, что мы такой азиатский по природе город?

— Я думаю, мы находимся в состоянии осознания себя. Мы город, я бы сказал, стоящий либо в конце, либо в начале. Я думаю, это начало, будет ли оно в рамках России или ещё какого-то другого проекта — китайского, индийского...

— Но есть же концепции «Город исторический», «Город индустриальный», «Город-сад». Нам куда двигаться?

— Тут две вещи. Первое — как себя подать те, кто этот город ле-

пит. Руководители. Есть вторая тема — город, который реально существует. Я говорю о реально существующем. Есть ли концепция у развития города? Думаю, что её нет. К сожалению. Но это тоже связано с двумя вещами. Этот этап, эти двадцать лет, которые мы прожили — этап чудовищный. Чудовищный перелом, переосмысление решительно всего. Решалось много других неотложных проблем. Сейчас, очевидно, все находятся в ситуации «что мы наделали? что мы творим?». И, конечно, «что делать?». Это касается и визуального решения, каким быть Красноярску.

Николай ИВАНЕНКО

Дата рождения: 15 августа 1962 года.
Образование: КГУ (филолог), Pacific Coast University (MBA).

Награды: Международный Московский фестиваль рекламы-98, IDEA-98/04, Бренд года-99, Now Design — International Design Annual 2003 и многие другие.

Известные работы: «упаковка» телепрограмм «Новости ТВК», «Новое утро», «Культура за неделю», «Женская логика», «Живые мысли», др; журналов и газет — «Конкурент», «Телевизор», «Кошелёк», «Каталог», «ОМ». Автор фирменного стиля многих красноярских предприятий, рекламных и массовых акций.

В 2008 году разработал логотип и стиль для ночного клуба «Три дня дождя». Клиенту вариант не подошёл. В 2010 Николай получил за эту работу «Красную точку Ди-

— И какое же направление нам выбрать? Экология, может быть?

— Индустриализм не исключает экологию. Пекин — это индустриальный город? Если вы пять минут едете от аэропорта и начинаете видеть сначала двухуровневую развязку, потом трёхуровневую, потом четырёхуровневую... И видите дорогу шириной 120 метров. Это индустриальный город?

— Ну да!

— Вот если в этом направлении — то да. И других шансов нет у города. Других шансов нет ни у кого. Красноярск спасут мощные транспортные развязки. Тогда он станет городом мечты. Естественно, побороться нужно с крупными нашими кормильцами-заводами. Убедить их, найти возможные варианты сделать воздух в нашем городе более чистым — и тогда он станет экологически чистым индустриальным городом. Других вариантов нет!

— Почему же... Вы следите за попытками сделать из Перми столицу современного искусства?

— Чтобы продавать себя как культурный центр, нужно, чтобы первые лица этого захотели. Ты знаешь, что превратить Красноярск в культурный центр Сибири — это была личная инициатива Федирко? Личные усилия огромные! Всё очень связано.

Потому что, когда здесь два рояля «Steinway» появилось — 80 тысяч долларов за одну штуку (их приобрели по личному распоряжению Федирко, по тем временам сумма неслыханная) — где-то через неделю позвонил менеджер Рихтера и сказал: «Мы хотим приехать к вам поиграть».

Всё очень просто! Рихтер играет только на «Steinway». Вот у нас есть фестиваль «Поколе-

ние М», и теперь его нет. И у нас после этого фестиваля в Красноярске не осталось, практически, хороших модельеров, все, кого открыл фестиваль, работают в Москве, Пекине. Логинов, Никитин — эти имена теперь в десятке лучших fashion-дизайнеров России. А открыл их «Поколение М». И приехали к нам — Хромченко, Толмачёва. А новых открывать некому. А они есть точно! Вот как делается культурная столица.

— А где эти винтики, где системы, с помощью которых можно сегодня что-то делать в городе, притягивать людей? Наши Столбы могут ими стать?

зайна 2010» («reddot design award»). Теперь она будет демонстрироваться в крупнейшем в мире музее современного дизайна «The Design Zentrum Nordrhein Westfalen».

Семейное положение: женат. Воспитал сына и дочь.
Хобби: историческая литература.

Илья СУРАЕВ

Дата рождения: 18 февраля 1983 года.
Образование: КГУ (журналист).

Работал корреспондентом «Комсомольской правды — Красноярск», редактором сайта KP.RU, главным редактором журнала «Детали». На сегодняшний день — шеф-редактор развлекательного вещания СТС-Прима.

Семейное положение: холост.
Хобби: ведёт блог.

важно! И пронумерованы — магазин номер такой-то. Как вам такой радикальный вариант?

— Я не думаю, что это удобно. Я сторонник многообразия. Вообще не люблю систему. При этом странно, что мне нравится минимализм. Если я попадаю в систему, вопрос «Кто я?» ставит в тупик. Кто я? Дизайнер? Дизайнер — это тот, который сидит в отделе тканей, пенсионного возраста женщина, с бумажкой «услуги дизайнера — бесплатно». Я этот дизайнер? Нет, вроде как. Система позволяет быстро организовываться. Хорошая вещь, она однозначно нужна, но когда мы говорим об открытиях,

знаю, за счёт чего это произошло. Но думаю, что если человек хочет самореализоваться, то, конечно же, надо искать места и единомышленников, готовых согласиться с тем, что идея — это рискованная вещь, чтобы что-то сделать — надо рискнуть, что та идея, которая на поверхности и кажется правильной — это идея уже даже не вчерашнего, а позавчерашнего дня, раз она ясна. Для этого надо ехать в места скопления близких по духу людей. Иначе жизнь превращается в лишнюю борьбу, и в конце этого тоннеля света нет, а есть отчаяние, разуверование в себе. Такая вот жизнь.

— Пессимистично получается.

— В конечном итоге мы выйдем на позитив. Ты же знаешь, я очень позитивный человек.

— По сути жизнь в столичном городе — это инструментарий. Сейчас есть Интернет, и благодаря дурацкой глобализации музыканты, поэты, журналисты, дизайнеры могут работать прекрасно в маленьком городе и делиться с миром своим творчеством.

— Это правда. Работать можно. Наладить контакты можно. Но если что-то делать, что-то большое, то необходимо постоянное прение, постоянные мелкие и не очень мелкие конфликты, постоянные накопления ошибок, которые тебя выбрасывают выше. Это возможно только в контакте личном. Потому что если вы не будете всё время в контакте, то я не думаю, что какой-то серьёзный прорыв произойдёт. А если не произойдёт серьёзного прорыва, то и контакты оборвутся. Дело в том, что работа над большими проектами, интересными — это постоянный поиск и приобретения огромного количества ошибок. Если мы говорим о том, что так работают во всём мире, то они, конечно, так работают, но при этом всё равно садятся в самолёт и летят из Нью-Йорка в Сидней, общаются по-быстрому, обсуждают какие-то серьёзные вещи, потом опять разлетаются. То есть Интернет позволяет быть на острие событий, но он не ликвидирует групповую работу. Я уже не говорю, о том, что Интернет — это такая ловушка. Из-за того, что он огромный, сталкиваясь с двумя-тремя гранями, возникает ощущение, что знаешь всё. Это обман. На самом деле вопрос не в том, чего мы получим в работе, а в том, с кем мы потрём, поговорим, поругаемся. Это невозможно сделать через Интернет.

— Я так понимаю, для вас приоритетней не «что?», а «как?».

— Да! Когда-то для меня было удивительным открытием, что «Вечера на хуторе близ Диканьки» — это не величайшее мировое произведение. Оно великое, блистательное, алмаз в короне, сделанной Гоголем, но величайшим является «Мёртвые души». Это не сам я придумал. Это Пушкин сказал: кончай писать мелочёвку, напиши что-нибудь серьёзное. Для того, чтобы сделать хорошие вещи, блистательные и даже на мировом уровне, недостаточно сделать их один раз. Что-то сделал, и вот — я победил, награду получил. Я уже как-то говорил, что любая награда — это только вершина, с которой видишь ещё большую вершину. После награды наступает не радость, а отчаяние.

Награды, если честно, не радуют. Они возлагают ещё и ответственность, нервозность, боязнь ошибки, боязнь оскорбления. Ты думаешь, награда — это когда все поздравляют: «Молодец!»? Половина перестает с тобой разговаривать. Получать удовольствие нужно от самой работы, от общения. На самом деле создать что-то, делая что-то — невозможно. Создать можно, только делая как-то.

Илья СУРАЕВ

P.S. Мне очень хотелось в заголовке употребить пафосное слово «гений». С одной стороны, по отношению к Николаю Иваненко как большому художнику, который живёт в нашем городе. А с другой — по отношению к самому городу. Я убеждён, что город — это прежде всего сумма работы, которую гениально сделали талантливые люди. И по большому счёту не важно, что это: дизайн, вечерние теленовости или уборка улицы.

о художественном акте, то система — зло.

— А не пугает мировая унификация? Это нормально, что в Америке выходит «Доктор Хаус», а через пару дней в России перевод его в Интернете?

— Я думаю, что «Доктор Хаус» — это пример замечательный! Гений, который добиться успеха не может. Ни в развитом мире, ни при конкуренции высокой — не нужен гений! Его везде гонят. Он нужен только одной тётке — директору госпиталя. Больше никому. Это первое.

Вторая тема — как рождается открытие. Оно рождается из незнания, непонимания. Здесь ошибка, здесь попал в тупик, всё, шансов спасти уже нет. И раз — оно родилось! Унификация не опасна, пока есть доктор Хаус. Не важно, в жизни или в кино.

Часть вторая

По проспекту Мира идут два человека. Оба активно жестикулируют, спорят, не обращая внимания на прохожих.

— Николай, мне нужен ваш совет. Когда я общаюсь со своими друзьями — все советуют мне уехать жить и работать либо в столицу, либо за границу. Я их пытаюсь убедить, что искренне люблю Красноярск, но встречаю непонимание. Вы человек, которого теперь, не кривя душой, можно назвать дизайнером с мировым именем (после последней награды), и вы живёте в Красноярске и нигде не уезжаете. Почему?

— Сейчас я говорю людям, что я ошибся. Что надо было уезжать.

— Опаньки! Да?!

— Да. Надо было уезжать. Сейчас я могу сказать, что совершенно очевидно — перебороть ситуацию на месте невозможно. Просто повезло, что мне удалось сделать несколько вещей, которые получили высокую оценку (в 2003 году я ещё получил награду «How Magazine International Design»), и это, естественно, ещё более престижная вещь, по крайней мере среди дизайнеров-графиков). Я уж не

Золото осени

Нынешняя осень подарит красноярцам уникальное событие – Красноярск станет художественной столицей Сибири

15 октября 2010 года в выставочно-деловом центре «MixMax» стартует новый масштабный выставочный проект, учреждённый министерством культуры Красноярского края, – Региональная художественная выставка пейзажа и натюрморта «Осенний вернисаж».

Выставка проводится при активном участии 11 территориальных общественных организаций и отделений Союза художников России, действующих в городах Абакан, Горно-Алтайск, Иркутск, Кемерово, Красноярск, Кызыл, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Томск, Улан-Удэ. Для участия в выставке творческие союзы провели отбор лучших работ действующих художников в жанрах «пейзаж» и «натюрморт» и представили к участию в выставке по 25 произведений.

Красноярская региональная общественная организация «Союз художников России» представит на выставке около 80 работ, в том числе картины К. Войнова, В. Сергина, А. Покровского и др.

Национальный филармонический оркестр России под управлением народного артиста СССР Владимира Спивакова во всей красе предстанет перед красноярской публикой в Малом концертном зале 25 октября.

В программе – Полонез из оперы «Евгений Онегин» Чайковского, Концерт для скрипки с оркестром №1 Паганини и Симфония №4 Мендельсона.

Владимир Спиваков – выдающийся скрипач и дирижёр, он ярко реализовал свой многогранный талант в музыкальном искусстве и многих сферах общественной жизни. Как скрипач В. Спиваков лауреат престижных международных конкурсов, прошёл блестящую школу у знаменитого педагога, профессора Московской консерватории Юрия Янкевича. Не меньшее влияние на музыканта оказал его второй учитель и кумир, величайший скрипач XX века Давид Ойстрах.

С 22 по 28 ноября Красноярск станет столицей балета. У нас в крае пройдёт Всероссийский форум «Балет XXI век» к 100-летию со дня рождения великой русской балерины Галины Сергеевны Улановой.

Для края это грандиозное событие: из всех российских театров оперы и балета именно Красноярский выбран для проведения столь престижного балетного форума. В Красноярск съедутся гости со всего мира, среди которых известные деятели культуры, звезды мирового и российского балета и театральные критики.

В рамках форума состоятся премьеры балетов Л. Минкуса («Пахита» (Grand pas) (постановка и новая сценическая редакция заслуженного артиста России Юрия Ветрова); «Красный мак» Р. Глиэра (над этой постановкой работает народный артист СССР и России Владимир Васильев) и «Весна сваданная» И. Стравинского (новая сценическая редакция Теодора Тэжика (Москва) и заслуженного артиста России Сергея Боброва).

В день открытия форума 22 ноября состоится гала-концерт с участием лауреатов всероссийских конкурсов артистов балета последних двух лет.

Завершится форум 28 ноября гала-концертом звёзд мирового балета, для участия в котором приглашены именитые артисты Большого театра: народная артистка России Галина Степаненко, народный артист России Андрей Уваров, молодые и талантливые солисты балета, блистающие на сценах лучших театров мира – Наталья Осипова, Иван Васильев и Денис Медведев.

СФ

Если вы покопаетесь на своих антресолях и попытаетесь отыскать среди старых виниловых пластинок, которые рука не поднимается выбросить, записи органной музыки, то обнаружите, что почти все они – в исполнении Евгении ЛИСИЦЫНОЙ. Именно с этого имени начиналось знакомство населения всех республик Советского Союза с органной музыкой.

С 5 по 27 ноября в Органном зале Красноярской филармонии пройдёт Второй международный красноярский фестиваль «Вселенная – Орган». Слушателей ждут встречи с великолепными произведениями русской и зарубежной классики. В программе фестиваля примут участие как российские, так и зарубежные исполнители, имена которых известны всему миру. А откроется фестиваль двумя концертами в исполнении именно Евгении Лисицыной. Накануне её приезда в Красноярск наш корреспондент взял у выдающейся органистки из Латвии интервью – по скайпу.

Ирония судьбы

– **Евгения Владимировна, вы одна из первых россиянок, получивших латвийское гражданство после распада Союза, в 1995 году. Почему в 60-х вы уехали из России и как вам живётся в Прибалтике?**

– Я училась в Ленинградской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова у замечательнейшего педагога, профессора Владимира Владимировича Нильсена. Позже по личным мотивам я уехала из Ленинграда и поступила в Латвийскую государственную консерваторию им. Я. Витолса, где моим педагогом стал профессор Николай Карлович Ванадзиньш. В Большой советской энциклопедии в статье о Н.К. Ванадзиньше можно прочитать, что я – его ученица.

Я закончила консерваторию по органу в Риге за три года, потому что занималась по 8-9 часов в день! Но педагог сказал: «Вам же в армии не служить – давайте пообщаемся у инструмента!» Я была счастлива... На пятом курсе консерватории записала свою первую пластинку. Меня сразу же пригласили в Латвийскую государственную филармонию на работу. Всё бы ничего, но в 1991 году всё рухнуло – в том числе и наша филармония, в которой раньше работало 400 человек, а сейчас осталась лишь концертная дирекция). Всех музыкантов уволили, и с тех пор мы – свободные художники...

Для меня светочем в жизни стал Домский собор – это моё рабочее место вот уже более полувека...

После смерти Николая Карловича я, по понятным причинам, не могла преподавать в консерватории, хотя учитель всегда называл меня своей наследницей... Более того, недавно в Риге праздновали 90-летие консерватории и, несмотря на то, что мне, отличнице, здесь когда-то вручали диплом под №1, и я была единственной студенткой, получавшей стипендию имени Чайковского, – меня даже не поздравили с юбилеем альма-матер и никуда не пригласили...

И по сей день никакой педагогической работой я не занимаюсь, хотя с удовольствием бы это делала, потому что мне есть что рассказать и передать. Недавно мне пришла в голову мысль: поскольку меня буквально расприрает от знаний – я решила, что обязательно, когда будет побольше времени, всё изложу на бумаге. Кому-нибудь это наверняка пригодится...

Жемчужина Домского собора

– **Вы играете во всемирно известном Домском соборе на старинном инструменте, которому более 120 лет... За ним как-то по-особому следят? Может быть благоприятные условия созданы в помещении? Но ведь 100 лет назад таких условий ещё не было... Тогда в чём секрет долголетия инструмента?**

– В начале 80-х годов, когда филармония стала эксплуатировать орган, механизм увозили в Голландию, там его подынтонировали, обновили. И помыслили за ним ухаживало пять мастеров, которые постоянно находились в соборе, следили за температу-

Евгения ЛИСИЦЫНА: О времени и о себе

рой и влажностью. Сейчас орган никто так тщательно не обслуживает, такое у нас время... Когда дефекты обнаруживаются, делается запись в журнале, и по вызову приходит мастер. А секрет долголетия, думаю, в том, что 100 лет назад если уж делали вещь, то на века, это кажется и музыкальных инструментов... И орган мастерами из хороших материалов, на совесть, потому долго и живёт...

– **Как вы относитесь к аутентичному исполнительству на старинных реконструированных инструментах?**

– Такое движение существует, я знаю, но что значит аутентичное? Музыка всё равно звучит совсем не так, как раньше исполняли. Однако, когда кто-то играет, я очень рада послушать, потому что уважаю желание коллег приблизиться к высокому исполнительству.

Я считаю, что наш орган, которому 120 лет, не старинный, а современный инструмент. Конечно, можно сказать, он романтический и хотелось бы играть на нём музыку того времени, когда жили композиторы, её написавшие. В нашем соборе прекрасно звучит, например, Макс Регер. Но имея один инструмент, мы не можем играть только романтическую музыку, а исполняем всё, в том числе и Баха, которого, кстати, можно играть на одном регистре, и музыка будет великолепно звучать.

ДОСЬЕ

Евгения Лисицына родилась в подмосковном Ступино. Окончила Ленинградскую государственную консерваторию имени Н.А. Римского-Корсакова по классу фортепиано и Латвийскую государственную консерваторию им. Я. Витолса по классу органа. Записала более 20 альбомов, в числе которых – её собственное переложение для органа концертов Антонио Вивальди «Времена года». Её записи признаны наиболее популярными. В 1968 г. получила вторую премию на Межреспубликанском конкурсе органистов имени Чюрлениса. Творческая карьера Лисицыной связана, прежде всего, с органом Домского собора в Риге. Здесь, в частности, она осуществила свой самый амбициозный проект – исполнение всех органных сочинений Иоганна Себастьяна Баха на протяжении 1999–2001 гг.

Хобби: вязать, придумывать концертные наряды
Любимый композитор: И. С. Бах
Любимые книги: исторические

Бах – это космос...

– **Какое место в вашем творчестве занимает Бах? И почему люди сегодня так любят его музыку?**

– «Не ручей! – Море должно быть ему имя», – сказал о Бахе великий Бетховен. Я считаю, даже не море, а космос, потому что, с одной стороны, это совершенно изумительно всё звучит, а с другой – это загадочная как-то система, в которой он абсолютно точно находится. Постоянно, когда эту музыку играешь, – находишь что-то новое. Почему любят его и сегодня? Я вам расскажу один случай. Однажды, в 2001 году, я играла в Волгограде довольно сложный цикл «Музыкальное приношение» (это стукты всего, что у автора по творчеству рассеяно, а здесь – концентрированно выражено). Помню, начала играть трократку до мажор, а она очень красиво звучит, и берёшь очень низкий регистр – язычковый, у которого очень трещалый звук. Последняя нота трещала так, что даже слышно было, как язычок шевелится. Когда я начала играть этот момент, в зале почему-то засмеялись. А я играю и думаю: «Ничего себе, привезла, называется, приношение! Публика, как дети...». Но дальше в

зале установилась гробовая тишина. Впервые слышали волгоградцы эту очень сложную музыку, которая и звучит великолепно, и найти в ней можно много интересных интонаций. Берёшь аккорд – пауза – а тишина звенит! Меня это потрясло... Вот и любят Баха за стройность, чудо, космос...

– **Насколько популярны сегодня концерты органной музыки в Латвии?**

– В советское время концерты проходили каждый день, и всегда зал был заполнен. Сейчас меньше посещают. Зимой, когда концерты проходят один – два раза в неделю, бывает 200 человек на 1500 мест, и мы считаем, что это уже хорошо. А летом Рига – популярный туристический центр, и зал не пустует.

– **Нравится ли вам исполнять современную органную музыку?**

– Очень часто современные композиторы пишут музыку для органа, не зная свойств этого инструмента, – в этом беда. Меня отпугивают некоторые современные выкрутасы, механические поиски новизны. Мало вижу такого, что было бы интересно, может быть, я ретроград?

...Хотя есть и хорошая музыка, как, например, у Барбера, Мессиана, Дюпре – это нравится! Французы перехватили пальму первенства, возможно, потому, что у них был девиз – уподобить орган симфоническому оркест-

мужчинам физиологически менее удобно играть на органе – об этом мне сказал «по секрету» один знакомый венгерский органист. Вы же знаете, как устроена у мужчин нижняя часть тела, а при игре на органе надо активно работать ногами...

– **Органисты часто делают переделки для органа. Ваше переделение цикла «Времена года» А. Вивальди, по оценке музыкальных критиков, получилось очень удачным. В чём секрет?**

– Я очень люблю это занятие. Причём никогда не ставлю цель – переключить, это приходит по наитию. Я слышу какую-то музыку и понимаю, что она будет прекрасно звучать на органе. Над этим циклом я работала долго, много интересных идей приходило в голову, я много раз его переделывала, улучшала. Очень интересно, может, поэтому у меня это и получается.

Я будучи в Красноярске, играть Вивальди – Концерт ми минор изумительной красоты, а партитура его свалилась на меня буквально с неба. Как-то подошёл ко мне один скрипач и попросил переключить это произведение для скрипки. Я взяла ноты и переложила от первой до последней части и вполне довольно тем, что получилось!

– **А нет ли у вас мысли самой попробовать сочинять музыку?**

– Однажды, когда мне было лет восемь, я села и начала писать. И каково же было моё удивление, когда произведение, которое я «сочинила», в скором времени прозвучало по радио! Это был вальс Шопена. Я его сыграла по памяти, но как своё, видимо, так оно меня захватило! Но должна признаться, что сочинять музыку – всё-таки не моё...

О разном...

– **Кстати, какую музыку, фильмы, книги предпочитаете?...**

– После Баха на втором месте у меня – музыка Чайковского. Она играет на струнах внутри меня. Бывает, и некоторые эстрадные вещи талантливо написаны. Музыка – это мой мир: плохое настроение можно исправить музыкой, а можно хорошее испортить и прийти в состояние уныния. А вот фильмы современные я не люблю, потому что мне кажется, я вижу канву сюжетную, приёмы какие-то, которые из фильма в фильм повторяются с небольшими вариациями, а по-настоящему хороших фильмов очень мало... Книги люблю исторические. Очень нравится Мережковский – я его с удовольствием перечитываю. Из классиков люблю Тургенева и Пушкина (это вообще за скобками, как Бах).

– **И напоследок: у разных городов мира есть своё обаяние. Сразу ли чувствуется обаяние Риги и насколько это связано с большой историей города? Или у малых городов тоже могут быть свои флюиды?**

– Флюиды в городе делают люди. Если что-то человек создаёт одухотворённо, с душой, это остаётся в его облике навсегда. Все, кто хоть раз побывал в Риге, – в восторге от этого города. Я тоже люблю его, как и Москву, и наслаждаюсь тем, что здесь живу. Кстати, самой первой церковью в Риге был вовсе не Домский собор, как думают многие, а церковь святого Николая, где сейчас расположен музей прикладного искусства. Есть у нас и свои легенды. На кованой ограде Домского собора, в неярком месте, если хорошенько поискать, увидите маленькую мышку из металла. Рассказывают, как она там появилась. Дескать, люди, которые строили храм, были так бедны, как эта мышь, у которой ничего нет.

А знаете, что меня поразило в Красноярске, когда я впервые приехала сюда с концертом 25 лет назад? У нас была улица с жутким названием – «Диктатуры пролетариата», я была в шоке. Диктатура – само по себе безобразное слово. Наверное, ужасно писать письма на такой адрес. Неужели не переименовали? Но всё равно я всех красноярцев очень люблю – меня хорошо принимали, и с удовольствием буду играть для вас вновь. До встречи!

Вера КИРИЧЕНКО

Русский городской

Рубрику ведёт доктор филологических наук Т.В. ШМЕЛЁВА, профессор Новгородского университета им. Я. Мудрого

Урбанизация, меняя множество моментов человеческой жизни, не могла не отразиться на языке. И наряду с русским устным и русским письменным надо говорить и о русском городском. Во всяком случае, такое сочетание должно быть, как мне кажется, в лексиконе интеллигентного человека.

Русский городской вовсю изучается лингвистами, хотя ещё лет 20–25 назад это казалось если и возможным, то весьма экзотическим занятием. Наши представления об этой нише русского языка складываются постепенно из наблюдений за языковой жизнью в сотнях русских городов. Но главное в его природе мы, кажется, умеем видеть и понимать.

Русский городской — не то же самое, что русский литературный. Эту простецкую мысль надо было доказывать, и не

всегда удавалось в этом убедить. Ведь литературный язык у нас один, он своей единственностью цементирует нацию. А речь жителей разных городов пестрит отличиями, которые они замечают, только оказавшись в гостях.

Вот красноярцы, например, говорят *полста* вместо *пийсят*, *лаврушка* вместо лавровый лист и *репка* вместо репчатый — о луке. Легендарное *ну* вместо *да* замечено ещё ссыльными декабристами и сейчас всплывает в памяти у тех, кто посетил город на Енисее. Выражение *на сто рядов* можно услышать по самым разным поводам, например: я уже перекачалась на сто рядов; и даже так: я эту методичку прочитала на сто рядов.

В начале 1980-х нам показалось, что такие красноярские словечки и оборотки мы быстро выудим из речи красноярцев и сделаем из них словарь. Но оказалось, не так это просто, и словарь по-прежнему остаётся в наших замыслах.

В чём же сложность? Оказалось, что русский городской — это не только язык домашнего быта. Это — то, как говорят в транспорте и других ситуациях городской жизни. То, как общаются в разных кругах горожан (в нашем городе одно из самых

интересных объединений — столбисты, у них не только свой особенный язык, но и речевой этикет, и фольклор). Это язык вывесок и рекламы, который просто обречён на постоянную изменчивость и изобретательность, или, как сейчас говорят, креативность. Это язык городских газет и Интернет-порталов.

Всё это вместе оказалось настоящим айсбергом: сверху — словечко, под тёмными водами городской реальности — тайны создания, выбора и предпочтения, конкуренции слов и их забвения... Нам казалось, что словарь должен рассказать обо всём — и тогда в нём будет виден и наш город. Пока нет Большого красноярского словаря, но есть масса наблюдений за разными кусочками «айсберга», которые, надеемся, не растают, пока мы их терпеливо рассматриваем со всех возможных сторон.

Конечно, и в других городах изучают русский городской. Изучают и описывают. Держу на полке то, что сделали в Омске, Петербурге, Пскове, Сыктывкаре... Сказать по правде, такого словаря, как мы мечтали — чтобы представлял весь город во всём множестве городских ситуаций и объединений горожан, — не сделал ещё никто.

В Омске увлеклись устным бы-

товым языком омичей, понимая его как городской диалект и собирая по крупицам, как диалекты деревенские. В этом есть своя правда. Кстати, горожане часто не расстаются со своими словечками, привезёнными из родной деревни, может быть, ещё их бабушками; поэтому в каждом городе можно услышать отголоски окружающих его диалектов.

В Петербурге предпочли культурный и исторический момент: собраны словечки и выражения, отразившие историю города и словесное творчество многих поколений питерцев. Интересно, что и создал его не лингвист, а знаток истории и мифологии Питера — Наум Александрович СИНДАЛОВСКИЙ, автор множества книг по петербурговедению.

А во Пскове и Сыктывкаре решили описать сленг — ту часть городского языка, на которой общается молодёжь в своём кругу. Эта самая живая его часть, постоянно обновляющаяся, самая изобретательная и расположенная к шутке, иронии, даже высмеиванию на грани оскорбления. Её и собирать легче: те, кто говорят на сленге, становятся и собирателями его сокровищ. Которые, кстати сказать, могут родиться и умереть в какой-нибудь тёпленькой компании, не попав

ни в какие письменные тексты. Главный принцип сленга — не довольствоваться готовым, тем, что уже есть в языке, а «по ходу разговора» сыпать переименованиями, как бы специально демонстрируя лингвистам самые работающие механизмы русского словообразования и смыслоизменения.

Что же интеллигентному человеку надо знать об этом феномене — русский городской? Прежде всего, что он есть. Это немало, поверьте. Далее, что он многолик и изменчив во времени, пространстве и человеческом измерении — отражает с беспощадностью рентгена социальные различия и изменения, которые часто ещё не ощущают политики и философы. Что как особый научный объект он был открыт в конце 1920-х, и тут хорошо бы помнить лингвиста Бориса Александровича ЛАРИНА — колумба языка города. Но по-настоящему стал изучаться, а тем более описываться в самом конце прошлого века. Можно знать города, где лингвисты не глухи к языку своих со-горожан — кроме названных это Челябинск, Пермь, Екатеринбург. Москва, конечно. Ну и Красноярск, как вы, надеюсь, уже догадались.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Красноярск: разные истории

За окном идёт дождь. И время. Там люди, машины, ветер. Там мировая пыль и человеческие разговоры, сплетаясь с запахами хлеба и бензина, становятся городским парфюмом. Каждый город — место особенного настроения. Дух, характер, лицо города — всё это заставляет нас, горожан, жить определённым образом, соответствуя своему дому. Красноярск — молодой и старый, простой и торжественный, скучный и весёлый. В нём хрупко сочетается современность с пыльной древностью, рождая истории — городские легенды.

налисты, присутствующие на открытии, спросили у Петра Пимашкова, случайно ли допущена такая оплошность. И мэром города нашёлся с ответом, сказав что-то вроде: «...мы все хотим, чтобы Красноярск был городом права, городом, где уважают законы своей страны».

Так у нас появилась зрячая богиня Фемида.

Легенда историческая

Правобережье Красноярска в представлении большинства жителей города — это преимущественно рабочие районы, которые строились в послевоенный период. В общем, суждение справедливое. Правда, одно исключение здесь всё-таки есть. Остановка «Каменный квартал» скромно спряталась между КРАТЭЦ и ДК им. 1 мая. Здесь всегда вкусно пахнет хлебом, потому что совсем рядом расположен хлебозавод. Но главная ценность этого места — историческая. Именно в районе «Каменного квартала» в 1630 г. (то есть через два года после основания Красноярского острога) находилось казачье село Ладейки, которое было построено для защиты будущего города. И именно на этом месте по специальному заказу в конце 19 в. была построена снежная крепость и инсценирован её штурм, что изображено на картине Сурикова «Взятие снежного городка». А в 1940-е годы здесь находилось одно из подразделений ГУЛАГа — Ладейская колония массовых работ.

Ольга САВЧЕНКО

И напоследок небольшой тест. Только для того, чтобы удостовериться, что ты действительно настоящий красноярец и готов создавать новые легенды о нашем городе.

Итак, ты можешь считаться красноярцем, если:

- >> ты знаешь, что такое ТЦ, Красраб, ЖД, КИЦ, ОПЦ, КТЗ и ИФИАК СФУ;
- >> при слове «столб» ты представляешь горы;
- >> ты понимаешь, что в «Зелёной роще» мало чего зелёного, но зато есть металлургический завод;
- >> рядом с твоим домом есть фонтан;
- >> ты помнишь дедушку, который стоял около магазина «Воскресенский» с флагом;
- >> ты всё ещё ждёшь, когда у нас в городе откроют МакДональдс и Икею;
- >> в центре твоего города растут пальмы;
- >> ты говоришь «поехал в город», если отправляешься с правого берега на левый.

Легенда о затмении

7 августа 1887 года на территории России случилось полное солнечное затмение. Астрономы признали Красноярск самым лучшим местом для наблюдения этого явления. Соответствующее оборудование было установлено на Покровской горе, рядом с часовней. А в самой часовой разместили телеграфный аппарат, который обеспечивал связь между наблюдательными станциями по всей России. Но перед затмением по городу поползли слухи о том, что произойдёт землетрясение — наша сибирская версия апокалипсиса. Жители посчитали, что весь город разрушится, уцелеет лишь самое высокое место — Покровская гора. Поэтому вместе с астрономами затмение встречали все горожане, которые со своими пожитками временно переехали к часовне.

Для красноярцев это событие значимо ещё и тем, что здесь же затмение наблюдал Василий Иванович Суриков. Он рисовал этюды необычно освещённого города, после чего написал картину, посвящённую затмению. Но работу свою вскоре уничтожил, так как она производила печальный эффект. Всё-таки конец света мог случиться.

Легенда о сотворении

Кстати, красноярская боязнь землетрясения (которую сейчас подпитывает построенная ГЭС — говорят, в случае катаклизма плотина может прорваться, и море смоеет город) — имеет глубокие реальные корни. По утверждению геологов, происхождение красноярских «Столбов» — результат глубинных магматических извержений, которые выдавливали поверхностные породы. Другая гипотеза уже

абсолютно мифична и говорит о том, что ещё до нашей эры здесь был древний «город мёртвых» с усыпальницами, увенчанными каменными сфинксами, с тоннелями и извилинами, которым можно найти аналоги в тибетской буддистской архитектуре. Город рухнул во время великой мировой войны с титанами, о которой рассказывается в древнеиндийских сказаниях «Махабхарата» и древнегреческих мифах. Аргументы у сторонников теории рукотворного происхождения «Столбов» просты: «Посмотрите на скалу «Дед»...».

А вот в советское время всем красноярским детям рассказывали о «Столбах» историю про надпись «Свобода». В конце 19 века, с ростом революционных настроений «Столбы» стали удобным местом для проведения нелегальных маёвок (что чаще всего происходило в районе Каштака). На скалах стали появляться противоречивые надписи, например, в 1897 году у основания «Первого Столба» было выведено красной краской: «Социализм», а через год кто-то добавил: «осуществится». На южной стороне «Деда» было написано «Пролетарии», а на «Дикарьке»: «Губернатор — мошенник». И наконец в 1899 году столбисты Денисюк, Островский и Белов написали слово «Свобода» на отвесной скале «Второго Столба». Место для надписи было выбрано обдуманно: добраться очень сложно, а видна она отсюда на расстоянии полукилометра. Известно, что власти не раз пытались стереть надпись. Рассказывают, что один из столбистов согласился доставить полицейских до площадки под надпись, но когда они были на месте, сам незаметно ушёл. Полицейские просидели больше суток под сентябрьским дождём на сорокаметровой высоте, пока

их не сняли возвращавшиеся с Маны охотники.

В 1901 году первую букву так стёрли. В ответ на это на «Третьем столбе» вскоре появилась надпись: «А всё-таки Свобода». И лишь осенью 1912 года группа столбистов из компании «Беркуты» подкрасила надпись.

Не все знают и то, что в конце XIX века для строительных целей (а также из-за той самой революционной репутации) скалы «Столбов» рвали динамитом. Были взорваны красивейшие «Кизямы» в устье реки Моховой, несколько камней у подножия «Второго Столба». Варварское разрушение остановили энергичные протесты красноярцев... Но о «Столбах» так много историй и легенд, что стоит о них заговорить — не остановишься. Остановите меня.

Легенда воздушная

Очень комично начиналось в нашем городе воздухоплавание. В 1910 году в Красноярске запустили первый воздушный шар. На свою беду и на потеху горожанам приземлился он в районе реки Качи — самого хулиганского района города. Каждый прохожий счёл нужным прожечь папиросами оболочку воздушного шара или каким-либо образом повредить его «летательность». Лишь сопротивление стражи порядка спасли шар от противников лёгкого дела.

А первые самолёты, прибывшие в Красноярск, были исключительно рекламными. 4 июня 1925 года горожане заметили в небе летающий объект. Позже выяснилось, что это рекламный тур по городам России. Подобным образом сибиряков знакомили с новой техникой. Лётчик В.А. Гладышев совершил первый рейс из Красноярска в Туруханск на самолёте «Моссовет» в

1926 году. И только в 1932-м самолёты стали выполнять транспортные функции: открылись регулярные перелёты между Красноярском и Игаркой.

Легенда о рекордах

Красноярск — город рекордный во всех отношениях. Он является столицей самого большого региона страны. Наши спортсмены настолько «золотоносны», что край по праву считается клондайком российского спорта. И Красноярск уже не раз появлялся на страницах Книги рекордов Гиннеса. В 2003 году туда попали красноярские комбайны, на которых был совершён пробег от нашего города до Орла (пять тысяч триста километров) за сорок четыре дня. А в 2007 году случилось сразу два мировых рекорда. Красноярцы устроили самый массовый турнир по шахматам, в котором одновременно принимали участие 1214 шахматистов. Второй рекорд был гастрономически-архитектурным. Красноярские студенты построили самую большую в мире пирамиду из банок тушёнки. В установлении этого рекорда принимали участие 50 человек и 22 тысячи банки консервов. Двадцать минут и двадцать секунд потребовалось ребятам, чтобы побить предыдущий рекорд.

Легенда о справедливом суде

Статую Фемиды, что стоит рядом со зданием краевого суда, открыли 4 июня 2004 года. Памятник архитектора Андрея Касаткина и скульптора Александра Ткачука сразу же стал обсуждаемым арт-объектом. Всё дело в том, что наша богиня Правосудия не носит, как этого предполагает греческий дресскод, повязку на глаза. Жур-

Закон больших чисел

Давайте представим с вами обычный день из жизни одного красноярца. Уж поверьте, этот день точно будет непохожим на чей-то другой, поскольку нас с вами в этом городе почти миллион, и все мы крайне разные. Но собрав такое количество портретов «одного дня», мы, наверное, сможем вывести из них и «средний типичный». В таком случае, если мы возьмём и самый необычный день необычного красноярца — то найдём в нём то, что близко каждому из нас. Он также мотаётся по работе, также иногда не успевает пообедать, также торопится вечером домой и пытается заглянуть в завтрашний день. Назовём нашего героя П.А. Попробуйте угадать, кто это. А я буду подсказывать.

На пыльном перекрёстке нас ожидала группа людей среднего возраста, озабоченно всматривающихся в приближающийся автомобиль. Все — при полном параде: в строгих костюмах, с топорщащимися из нагрудных карманов уголками платочков, в сверкающих ботинках и сверкающих линзах старомодных очков. Мы выходим из служебной иномарки (такой, в которой неудобно ездить без личного водителя); П.А. направляется к ним широким размашистым шагом, следом отправляясь я — чтобы подслушивать и подсматривать секреты государственной важности. Мы разглядываем людей издали, они разглядывают нас.

— Что, они все в галстуках, что ли? — озадаченно произносит П.А. и даже притормаживает на мгновение. — А я про галстук-то и забыл... а ведь ещё из столицы края приехал! — После чего ускоряет шаг, оставляя меня гадать, была ли в его словах ирония. По пути сюда он же инструктировал: «Здесь, в районах края, иногда ещё попадаются чиновники старой формации, для которых каждый визит высокопоставленного гостя — это своего рода стресс».

Мой собеседник в масштабах нашего края — персона действительно высокопоставленная. Должность у него звучная, а вот работа, насколько я могу судить, иногда выпадает скучноватая. Сегодня, например, нам предстоит проехать по району с инспекцией — проверить, как тратятся грантовые деньги, как исполняются губернаторские указы и на чём вообще стоит современное село. Лично я всегда полагал, что современное российское село лежит на боку, и, похоже, некоторые из встречавших нас ответственных лиц способны подтвердить мои опасения.

Нас ждут чиновники Сухобузимского района, главы населённых пунктов и сельские депутаты — точнее, ждут моего собеседника, а моё появление становится для них не совсем понятным сюрпризом. Глава района с сомнением изрекает, что журналисты постоянно пишут не о том, и потому совершенно логично, что чиновники на них всегда в беде. Я молчу, изучая лица — трепета в них нет, а вот лёгкое недоумение вкупе с напряжением присутствует — всё-таки «столичный» гость несколько моложе каждого из них по возрасту, но гораздо старше по статусу. П.А. сразу улавливает общее настроение.

— Никто тут жути не нагоняет. Мы просто проедемся и посмотрим, — произносит он уверенно. Для П.А. — это 11-й по счёту субъект края, который он посетит с инспекцией, поэтому жути на него действительно уже, наверное, не нагнать. Чиновники в ответ дежурно шутят, что, мол, и смотреть-то не нужно, зачем настроение портить, но заметно приободраются. Мы загружаемся в «газельку» и отправляемся в дружный вояж по просёлочным дорогам.

Представьте себе заросшие травой палисадники, груды поленьев и ржавые останки сенокосов, новенькие школы, пасущихся возле них меланхолических коров, свежеразкопанные палисадники, безработицу, сельских ребятнишек, футбольные поля за миллионы рублей и техни-

ческий спирт по 15 р. за литр... Мы объезжаем одну сухобузимскую деревню за другой. К чести местных глав, от П.А. ничего не прячут. Вот тут нет нормальной дороги, вот тут — стихийная свалка мусора, а там бесхозная корова ест траву прямо посреди детской площадки. Самым сильным впечатлением становится «грантовое» футбольное поле с замечательными новенькими воротами, установленными на кочковатой замусоренной полянке, которая вдобавок украшена стоящим посередине трактором.

«Думаете, я бы пошёл сюда играть, будь я деревенским мальчишкой? — вопрошает П.А., заставляя чиновников усиленно напрягать фантазию, а меня — записать в блокнот вопрос «хотели бы вы когда-нибудь жить в российской деревне?». Чуть позже этот вопрос я задал — и получил адекватный ответ

современного урбаниста: хорошая дорога, Интернет и сотовая связь, а ещё личный шофёр для каждого из ребятнишек, чтобы ежедневно в детский сад и школу возили. В общем, если найдёте такое место, дайте знать, и я сразу перееду.

А ещё в деревне должно быть аккуратно, и поэтому мы много говорим о благоустройстве. П.А. предпочитает слушать, время от времени задавая лаконичные и до неприятности конкретные вопросы. Местное руководство отвечает всё более и более словохотливо. П.А. умеет располагать к себе собеседников, причём вовсе не каким-то удивительным образом. Он молод, что для нынешней российской политики — уже почти стандарт, при этом очень вежлив с окружающими, иногда — вежлив до простоты. Поэтому водитель — Васильич, глава Сухобузимского района — Петрович, однако интонации при этом не становятся товарищескими; они всегда, если так можно выразиться, нерархичны.

О нём удивительно хорошо отзываются все, кто хоть как-то с ним знаком. Один политик с упоением описывал мне целеустремлённость П.А. и его умение предельно цепко фокусироваться на поставленных задачах. Кажется, ещё со времён дгосударственной службы у П.А. осталось это свойство, приметное даже стороннему наблюдателю. Вот, скажем, обед. Важная вещь, подумаете вы, и ничуть не ошибётесь. Ещё утром, до начала поездки, водитель отечески спросил меня: «А ты покушаешь с собой взял? Бутербродик какой-нибудь?». Я помотал головой и сконфуженно выдал, что, мол, рассчитываю приобщиться к правительственному банкету по ходу мероприятия. Водитель явно был поражён моей неуклюжестью: «У него темп такой, что вряд ли на банкет время останется. Как по трассе бежит. В прошлый раз мы с утра часов до пяти-шести по краю разъезжали, так у меня даже кофе выпить времени не нашлось». Вот и сейчас чиновники разворачивают «газель», чтобы ехать в трапезу в Сухобузимо, а П.А. недовольно иронизирует: «Сейчас покушаем, так вы ещё и спать захотите, наверное, да?»

Итак, обед в придорожном кафе «Лега». Нас приглашают в премиум-зал с мягкими стульями, освещённый энергосберегающими лампочками под бордовым потолком. В помещении царит полумрак — половина лампочек перегорела, один из депутатов делится со мной: «Раньше делали хорошие, а теперь, как только начали их вводить в обязательном порядке, сразу все лампочки стали нормальными». Кроме лампочек, многие вещи в нашей стране ономалились, и за процессом принятия пищи районное начальство становится откровеннее на этот счёт. Говорят о запутанности законодательства, сетуют на нехватку кадров и недостаток финансирования. П.А. позволяет им выговориться, и поток «недо» ещё долго приправляет нам тушёную капусту.

Добробедная экскурсия остаётся лишь дообеденной. Ров-

министрации Сухобузимского района настенные деревянные часы в форме двухголовой птицы прочно застыли на отметке 9:50. П.А. сосредоточен, делает отметки в блокноте, раздаёт чиновникам дельные советы. Таде-ревня, с трактором на футбольном поле, явно нехорошо запаала ему в душу. Обсуждение идёт живо — после него всем предписано ехать в местную часть МЧС для участия в видеопланёрке по профилактике возможного бедствия. Я потихоньку начинаю клевать носом, и это занятие с успехом удаётся совмещать с кратким конспектированием услышанного, а после — и с планёркой спасателей. Улучив удобную минутку, я спрашиваю у П.А.: не устает ли он от подобной работы. П.А. дипломатично уходит от прямого ответа, но в итоге заключает — не устал, но вопросов о работе, пожалуй, достаточно на сегодня.

почтовым ящикам и ответов на корреспонденцию. А уже потом завтрак, зарядка и стрелки на строгих брюках...

Я интересуюсь, как продвигается в Красноярске реализация большого и по-настоящему важного для края и всей страны проекта. Когда-то (подскажу — в 2006 году) именно из-за этого проекта П.А. занялся государственной работой. Он рассказывает историю, уже отчасти известную мне из газетных интервью, — как боролся с проектировщиками, все достоинства которых заключались, по меткому замечанию П.А., в карандаше и юристе, как искал стоящих подрядчиков, как изыскивал финансирование на строительство объекта в кризисный 2009-й и посткризисный 2010-й. Спросив, что более всего утомляет в работе и с чем сложнее всего было справиться, я получаю предсказуемый ответ — с бумажной волокитой. Над правильно составленным документом можно работать вечно, уверяет меня П.А. Канцелярские ошибки грозят недофинансированием в огромных масштабах, измеряющимся миллионами рублей.

— Вам не страшно было такими суммами оперировать, пусть и виртуально?

— Сначала страшно, а потом привык, — усмехается он. — Когда проект только стартовал, мне нужно было убедить российские власти вложить в него несколько десятков федеральных миллионов. Друзья говорили мне — проси много, тогда, может, миллионов пять и выделят целевых, а с ними уже будешь выкручиваться. Но я ездил, встречался с чиновниками и министрами, убеждал людей, способных как-то повлиять на ситуацию, — и в итоге получил для реализации всю требуемую сумму. Тогда и стало не страшно.

Так уж сложилось, что у чиновников в России репутация в глазах населения изначально умножена на ноль. Поэтому профессиональный и целеустремлённый человек во власти всегда интересен в первую очередь как личность, и именно его личности мы склонны приписывать своеобразное «золото высоких побед» жизни вокруг нас.

— Моя задача, как представителя главы края, — выявлять проблемные ситуации, которые могут в будущем вызвать большой общественный резонанс, и своевременно разрешать их к удовлетворению населения, — поясняет П.А. — Кроме того, сейчас в крае создаются новые программы, запускаются новые механизмы финансирования, ведётся инновационная работа. Обеспечить функционирование этих проектов и распоряжений губернатора, да и просто помочь исполнителям понять, чем и зачем они занимаются — тоже моя работа.

Мы расстаёмся неподалеку от того места, где сегодня утром его забрал водитель. П.А. торопится — рабочий день его завершён, но в 18:30 нужно на родительское собрание в гимназию № 106. Напоследок я выпрашиваю у сегодняшнего собеседника автограф. Меня отец очень сильно просил — дескать, уважь родителя. Всё-таки не с кем-то, а с Павлом Александровичем Ростовцевым познакомимся.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

В электронной версии газеты читайте также:

>> ответы генерального директора компании «Красноярский жилищно-коммунальный комплекс» А. МАТЮШЕНКО на вопросы о воде;

>> беседу о влиянии городской среды на здоровье человека с руководителем главного управления здравоохранения города В. УПАТОВЫМ;

>> рассуждения заведующего кафедрой журналистики СФУ К. ЗОРИНА о проблемах профессии — по следам первого в крае медиафорума «Енисей-РФ».

В газете использованы фото О. Кузьмина, А. Ландиной, С. Чиркова, Г. Дадашова, С. Матурихина, В. Бекешина, предоставленные городской администрацией, а также самими авторами.

Водитель набирает скорость на трассе, мы возвращаемся в город, обсуждая злосчастную деревню, зимние виды спорта и то, как мало в жизни делового человека свободного времени.

— А чем бы вы вообще хотели заниматься? — интересуюсь я.

— Да как все — отдыхать, — не задумываясь ни на секунду, отвечает он. После чего отыскивает в мобильнике чей-то номер и начинает беседу о детских лагерях в Атаманово с далёким адресатом.

Дети — тоже интересная тема в контексте нашей беседы. Мой собеседник — человек, спорту далеко не чуждый, и логично было бы предположить, что своих отпрысков он пытается увлечь собственными интересами. Однако П.А. утверждает, что его дети совершенно свободны от векторного папиного влияния и потому вольны сами формировать досуг.

Здесь он немного лукавил, возможно, сам того не заметив. Чуть позже я узнал, что для своих детей он устраивает максимально разнообразную программу — боулинг, картинг, театры и концерты, спортивные состязания по баскетболу, поездки на природу, литература... Сам папа иногда бегаёт на лыжах (тут я вам подмигнуваю) и шурит один глаз, стреляя из винтовки — чтобы держать себя в спортивной форме. Однако щекотливый вопрос, что именно заставляет его думать, что он не в форме, остался незадачным — вновь звонит телефон, и начинается дискуссия.

Любопытно, сколько часов в день типичный красноярец говорит по телефону? Явно меньше, чем москвич... Тут важно понимать, что для одних сотовый стал предметом увеселительного коммуникативного — поболтать-пошутить-не разминуться с друзьями. А для других это скорее предмет угнетения, равно как и Интернет: деловые звонки, деловая почта, деловые видеоконференции, — и всё это никак не ограничено временем конкретного присутствия на работе. Интересуюсь у П.А., во сколько и с чего начинается рабочий день? Ответ предсказуем даже для горожанина НЕ среднестатистического — с краткой пробежки по электронным

Искусство на улице

Что нужно современному городу кроме комфортной транспортной системы, аккуратных и чистых улиц, повсеместно распространённой сети кафе и ресторанов на все вкусы и кошельки? Коль страница визуальная, то ответ, с одной стороны, очевиден: в современном городе должно быть искусство. Не то, за которым нужно отправляться в музеи и галереи, а то, которое встретится вам прямо на улице и будет именоваться модным словосочетанием «паблик арт».

В то время как практически каждый хоть сколько-нибудь значимый на карте мира город проводит апгрейд своих главных достопримечательностей новыми инсталляциями, а в криминальные и промышленные районы упорно отправляет искусство — бороться с преступностью и неблагополучием, в Красноярске паблик арт пока только-только зарождается. Возможно, потому, что созидательной его силой выступает неравнодушное городское сообщество, и дело креативного одушевления городского пространства — это забота самих горожан.

Если сравнивать процесс оживления городской среды с обустройством собственного дома, то Красноярск находится где-то в состоянии вечнотекущего ремонта. Убрали забор вокруг горе-метро на площади Революции — здорово! Но зато он появился на Маркса перед остановкой Перенсона и даже умножился в районе «Метрополия». Что уже говорить про заборную изоляцию одной из самых прекрасных панорам в городе — набережной на подходе к Стрелке, где забор беспреступно стоял вот уже п-ное количество лет, пока его... не сдуло ветром! А практики объединения горожан для того, чтобы элементарно выступить с общественным предложением «а давайте уберём с улиц города такие-то и такие-то предметы» — нет. И потому говорить о паблик арте в Красноярске довольно-таки сложно, поскольку появление искусства в городской среде — это уже послеремонтный уровень. И он требует консолидации творческих сил и размышлений городского сообщества для выбора или хотя бы обсуждения дизайнерского решения нашего дома.

И всё-таки в городе постепенно, иногда подпольно, начинает происходить арт-вторжение. Вот даже перед зданием СФУ на европейски рациональной брусчатке уже попользались какие-то рисованные жучки (казалось бы, мелочь, но в свете фильма БЭНКСИ — тоже паблик арт), на площади вокруг Красноярского музейного центра давно уже возникают странные объекты — горячая изба, трёхметровый стул, оранжевая комната на стволах деревьев. Даже у семейства слоников на Копылова и у ярко-зелёной и фиолетовой раскраски домов на останке Курчатова есть кое-какие основания претендовать на звание «произведение паблик арта». А значит, давно пора о нём говорить.

В середине 1990-х словосочетание public art вошло в словарь российских специалистов практически непереводной калькой с английского, во многом для того, чтобы отделить феномен современного искусства в открытом пространстве от традиционных практик декорирования городских улиц и площадей — создания реалистичных памятников, триумфальных объектов и даже нелегальных граффити.

Почему потребовалось переименовать городские мемориалы? Во-первых, паблик арт — это всё-таки вид современного искусства, находящегося за пределами стен музеев и галерей. Что заставило европейских авторов, начиная примерно с 1960-х годов, выставлять свои работы на улицах? Возможно, причина в том, что это совершенно новая практика общения зрителя и произведения: вместо умного всматривания — непосредственное удивление. Улице расширяется и «набор красок» художника, окружающее пространство становится частью произведе-

ния. Кроме того, современному искусству свойственно всегда испытывать свои пограничные зоны. Паблик арт, совершая выход в город, во многом ищет ответ на вопрос, что значит искусство для общества? Ещё одно отличие паблик арта от традиционных городских скульптур и росписей — их иная медийная природа (здесь используются кинетические объекты, инсталляции, иногда с включением перформанса, видеопроекции), а также часто эфемерный, временный характер существования и другой тип мемориальной обусловленности.

Чтобы предметно пояснить, что такое паблик арт, можно обратиться к самым классическим примерам.

В первую очередь, вспомним работу «Упакованный Рейхстаг» супружеской пары ХРИСТО и ЖАНН-КЛОД, реализованную с 1971 по 1995 годы (в 1995 г. Рейхстаг был полностью укутан пластиком). Пример как раз такого нового типа мемориальности, когда вместо традиционного бронзового монумента в честь знаменитой персоны, вершившей историю, произведение представляет собой упакован-

арта — возможность внедрения в жёсткую городскую застройку органического чужака, преобразующего механику повседневной жизни.

Не менее значима для истории паблик арта работа мастера Ричарда СЕРА «Наклонная арка», установленная на Федеральной площади Нью-Йорка в 1981 году. Это была композиция в виде длинной стальной дуги высотой 3,5 метра. Помимо того, что «Наклонная арка» являлась прецедентом хранения произведения искусства в городском пространстве, она прекрасно демонстрирует дискуссионный потенциал паблик арта. Дело в том, что расположение арки на площади мешало жителям близлежащих домов в их повседневной жизни, в результате чего дело дошло до общественных слушаний: жители обратились к властям города с возмущением. И в результате в 1985 году было решено переместить арку, но автор заявил, что произведение работает только в данном городском контексте; в 1989 году арка была полностью демонтирована. Это и является настоящим примером общественной дискуссии по поводу

частности, и в Красноярске со странной периодичностью на улицах появляются рисунки, явно вдохновлённые знаменитым англичанином; один из запомнившихся — изображение китайца с надписью «коренное население России». Полезно привести пример и московской группы «Овощам.нет»: эти ребята вторгаются в город с плакатами и баннерными растяжками вроде «Москвичи и гости столицы, приносим извинения за временные неудобства, связанные с ликвидацией памятника архитектуры 17-го века, палат Гурьевых», «Гублю тебя, Петра творенье», посвящёнными сносу старой архитектуры в Москве и Санкт-Петербурге ради реализации коммерческих проектов. То есть паблик арт провоцирует на то, чтобы не оставаться равнодушным к жизни города и порождает радикальные формы социальной активности, которые, конечно, уже отдалённо представляют собой искусство и скорее приближаются к социальной рекламе. Кстати, все текущие проекты в области паблик арта достаточно полно представлены на нижегородском сайте www.propublicart.ru.

И Хофман из сухой травы создал здесь именно гигантскую лежачую ондатру. Кстати, этот голландец нынешним летом посетил Красноярск и Канск и присматривался к местной ситуации и местным проблемам, так что уже можно замереть в ожидании какого-нибудь крупного комара. Хофману же принадлежит идея тотальной раскраски одного из неблагополучных районов Амстердама в синий цвет, такой ребрендинг места. Операция по раскраске вполне удалась, и теперь это один из самых посещаемых туристами районов города. В другом голландском городке, который отличается своей унылостью, художник полностью раскрасил дороги в жёлтый цвет, желая хоть как-то оживить будни жителей. В этом смысле красноярские цветные фасады хоть и можно рассматривать как намёк на паблик арт, но до произведения искусства они всё же не дотягивают из-за отсутствия радикальности: красить — так красить, а не раскрашивать местами.

В Красноярске паблик арт-процесс «пошёл» в 1993 году — с создания группой молодых московских архитекторов из АБ студии крупной фигуры «Сфинкса» на крыльце КИЦа. Наиболее масштабным событийным форматом возникновения значительных паблик арт-работ в Красноярске является большой художественно-культурологический проект — Красноярские музейные биеннале. Начиная с 1997 года практически каждая привносит в город свежий взгляд на пространство и вещи.

Освоение улиц Красноярска происходило постепенно: первоначально арт-объекты были созданы на площади Мира, недалеко от музея, вступая в диалог со зданием и традиционным пейзажем — река, мост, горы. Произведение «Без названия» Матея ВОГРИНЧИЧА из «сплава» золотых лопат создало новую перспективу зрения на местный ландшафт. «Эпицентр» голландской архитектурной группы Observatorium стал постаментом для обычного человека, способного подняться над городской суетой для созерцания своего внутреннего мира. «Стул» Владимира СЕЛЕЗНЁВА, наоборот, обозначил недостижимость высоты. Все эти произведения, созданные в разные годы, очень близко отнеслись к пространству площади вокруг музея, предложив возможность внимательного всматривания и зрительного движения к горизонту.

Постепенно география красноярского паблик арта расширилась. Была совершена «переправа» через реку: на берегу напротив музея Александром КОНСТАНТИНОВЫМ была проложена дорога в бесконечность — пешеходная зебра, уводившая к математическому символу бесконечности — «восьмёрке», которая окончила свои дни в костре шашлычников-вандалов.

Особенно далеко красноярский паблик арт зашёл на биеннале 2009 года под названием «Даль». На этот раз станции появились в значительном отдалении от здания музея. В уютном под снос деревянном доме в центре города художница Мэриэн ТИУВЕН в пяти комнатах создала одновременно и произведение абстрактной живописи, и зияющую космическую «чёрную дыру», и даже некое подобие пещерного храма. Другая станция была построена на лужайке усадьбы им. В.И. Сурикова молодыми красноярскими авторами.

Красноярск уже не единственный город в крае, который знаком с практикой уличного искусства. Благодаря видеофестивалю преобращается и город Канск: там уже была создана Пальмовая аллея, а в этом году прибавился ещё один проект — деревянная «Колокольня» Андрея САВИНА.

Итак, географическое покорение Красноярска паблик артом случилось. А вот траектория дальнейшего его развития пока только вычерчивается. Будет ли это горизонтальное расширение, свойственное красноярским произведениям, или появятся друтой вектор, пока неизвестно. Но именно паблик арт способен изменить облик однотипных улиц и «смазать карту будней» с повседневных городских пейзажей.

Александра СЕМЁНОВА

Памятник клавиатуре
Анатолия Вяткина

Утёнок
Флорентина Хофмана

«Облачные ворота»
Аниш Капур

«Эпицентр»

ное прошлое XX века. Кроме того, значением наделяется не только конечный результат, но и процесс создания произведения: общественные переговоры и полемические дискуссии с властями Германии, с обществами ветеранов Второй мировой войны, с администрацией Берлина, с экологическими организациями, которые опасались за жизнь птиц, живущих на крыше Рейхстага и за то, каким образом будет утилизировано огромное количество синтетической ткани.

Среди российских произведений новый тип мемориальности хорошо иллюстрирует «Памятник клавиатуре» Анатолия ВЯТКИНА (Екатеринбург). Если смотреть на произведение с позиции «а что же в будущем вспомнят, что будут думать про наше поколение и наше время?», то что может быть адекватнее образу современной России, чем отлитый из бетона ежесекундный атрибут человека начала XXI века.

Классическим произведением паблик арта является и работа «Облачные ворота» (2004–2006 гг.) всемирно известного скульптора Аниш КАПУР, представляющая собой сплунтившееся на город зеркальное облако идеально гладкой параболической формы. «Врата» демонстрируют другой потенциал паблик

значимости искусства, которое, с одной стороны, в своей нефункциональности может дойти до того, что мешает человеку жить, но при этом именно произведение становится причиной объединения людей, рождает повод для осознания степени комфортности городской жизни.

Необходимо упомянуть в контексте паблик арта и сатирические жесты граффитиста Бэнкси — псевдоним нашумевшего английского художника, который умудряется сохранять анонимность в информатизированном мире, где новость с одного конца света распространяется до другого за считанные секунды. Он периодически оставляет на стенах города то моралистические замечания вроде «Одна оригинальная идея лучше тысячи цитат» с соответствующими рисунками, то заставляет чопорных английских полицейских застыть на городских стенах в трогательном поцелуе — в общем, претендует практически на реформирование массовой ментальности. И пока что преуспевает: если раньше граффити было принято хозяйственно смывать со стен домов, то теперь никто не решает: «А вдруг это Бэнкси?». Тем более после появления в этом году его фильма «Выход через сувенирную лавку», завоевавшего ему поклонников по всему миру. В

А мы вернёмся к искусству на красноярских улицах. Для начала — к слонам на Копылова и их относительной близости паблик арту. Известен прецедент, когда подобная цветочная композиция под названием «Щенок» (представляющая собой, соответственно, щенка) имеет автора — одного из самых дорогих художников современности Джеффа КУНСА и располагается перед входом в музей Гуггенхайма в Бильбао. Это к тому, что точные критерии превращения клумбы в дорожное произведение искусства не установлены, так что на наших слоников вполне можно пошаривать с эстетической точки зрения. Хотя щенок значительно крупнее.

В целом гигантизм некоторых произведений паблик арта — практически тенденция. Так, голландский художник Флорентин ХОФМАН создал огромное жёлтого утёнка, которого поставил покачиваться на волнах реки Луары во Франции и вызывать улыбку у жителей и посетителей выставки современного искусства. Он вообще любит так работать — укрупнять предмет, особенно значимый для данной местности. Например, в одной из голландских деревень жители были очень обеспокоены проблемой ондатр, которые разрушали дамбы, подрывая